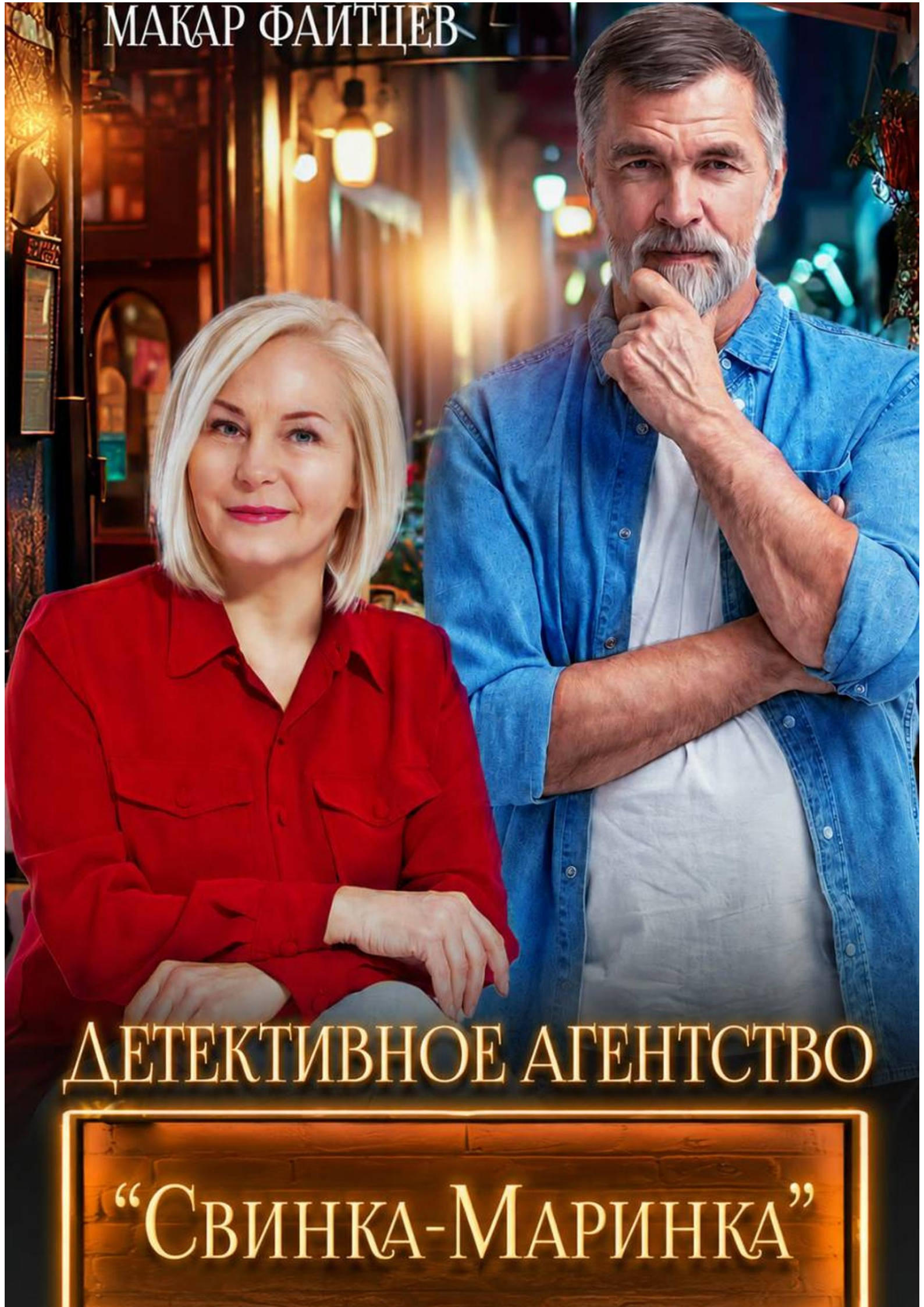

МАКАР ФАИТЦЕВ

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

“СВИНКА-МАРИНКА”

Макар Файтцев

Детективное агентство
"Свинка-Маринка"

«Автор»

2026

Файтцев М.

Детективное агентство "Свинка-Маринка" / М. Файтцев —
«Автор», 2026

Марина Ветрова — легендарный следователь по особо важным делам, чья карьера оборвалась в лихие 90-е. Сегодня она — «пленница» в роскошном особняке Василия Коровкина, бывшего криминального авторитета по кличке Колчак, по совместительству — её подследственного в прошлом. Условие её освобождения — согласие на брак. Чтобы Марина не тосковала взаперти, Коровкин дарит ей детективное агентство, но под присмотром его верного Сальника. Первое же дело — странная смерть юриста Охлопкова — затягивает Марину в опасный водоворот. Среди помощников, приставленных к ней «мужем», она узнает человека из своей прошлой жизни — обвиняемого по делу о контрабанде тридцатилетней давности. Прошрое и настоящее сплетаются в тугой узел. Те же лица, те же методы, те же предательства. Марине предстоит выяснить, кто на самом деле дергал за ниточки тогда и кто убивает сейчас.

© Файтцев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. До свадьбы	10
Глава 2.	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6. Молодость Марины	26
Глава 7. Молодость Марины	29
Глава 8. Молодость Марины	32
Глава 9. Молодость Марины	34
Глава 10. Молодость Марины	37
Глава 11. Молодость Марины	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Макар Файтцев

Детективное агентство "Свинка-Маринка"

Предисловие

– Марина Вячеславовна, доброго вечера, – позвал от входной двери голос экономки Сюзанны.

Щёлкнул замок — и тишина накрыла дом как плотное одеяло. Даже старые ходики забили в углу ровнее и тише, боясь вспугнуть эту густую и липкую тишину: *«тик–так, тик–так... твоё–вре–мя–про–шло... тик–так... оста–вай–ся–так...»*

В тёмной–тёмной комнате у тёмного–тёмного окна стояла женщина, окутанная тёмной тягучей тишиной. Её руки давно онемели от холода подоконника. Она, не отрываясь, смотрела туда, где кружил белый снег — слишком яркий, почти болезненный, в холодном лунном свете. Казалось, он сыпал нарочно, чтобы подчеркнуть всё то, чего в её жизни больше не было: молодость, мечту, свободу.

Марина стояла неподвижно. Плечи сводило, ноги гудели, но оторваться была не в силах. Словно кто-то её заколдовал, приморозил к этому подоконнику и назначил наказание смотреть в окно, смотреть на снег. Смотрела и чувствовала, как внутри неё что-то хрустит, крошится. Что прошлое не повторится. Дорога обратно запорошена, и её не отыскать на этом белом, сверкающем покрывале.

Когда-то она мечтала именно о таком вечере — о тишине, о возможности постоять у окна и подумать о будущем. Теперь времени было хоть отбавляй, целые «двадцать четыре часа с крышечкой». Только мечтать оказалось не о чем.

О чём мечтают те, кому больше нечего ждать? О чём мечтают, когда вся жизнь уже прошла, как снежная вьюга пролетела в свете фонаря?

Марина усмехнулась. Усмешка вышла сухая, болезненная. Сама себе она казалась юной. Ах, как жаль, что молодость не вернуть. Она больше не сможет поверить в сказку, что однажды принц привезёт её в свой дворец, и карета не превратится в тыкву. Она уже не принцесса, и больше не королева. Хотя... была ли когда-то? Или сама себе придумала, а на самом деле ничего и не было. А теперь и вовсе — пленница. Смешно и горько: дожить до пятидесяти, чтобы тебя похитили. И чтобы никто даже не заметил. Хотя нет, заметили, но тревоги не забили. Впрочем, она же сама, добровольно... Все это видели. Так чего теперь горевать? Думать надо было раньше. ДУ–МАТЬ! А не кайф от погони ловить. Адреналин, видите ли, ей крышу пробил. Только теперь чинить эту самую крышу придётся самой.

Слеза сорвалась с ресниц. Непонятная тоска сжала сердце.

Внезапно двор залило резким, почти дневным светом.

Марина дёрнулась.

Включилось уличное освещение. Сработал датчик движения.

Он приехал.

Ворота дёрнулись и начали плавно расходиться в стороны. Сердце у неё сорвалось с привычного ритма.

Сейчас бы... сейчас бы рвануть во тьму, пока никого. Снег мягкий, следы заметёт. Он не увидит. Пусть потом ищет. Бегает. Подключает своих и чужих.

Но куда бежать? Через засыпанные по самые макушки сопки? Здесь даже летом люди петляют по посёлку как по лабиринту, а уж в ноябрьской темноте... она просто замёрзнет через час. Найдут её весной подснежником¹. Термометр опустился за отметку двадцать пять.

Во двор одновременно въехали два чёрных внедорожника.

Марина почти физически почувствовала, как холод стал гуще.

Значит, не один. И Сальника с собой привёз. Опять начнут ей мозг причёсывать. Ну зачем он Сальника привёз?!

Пальцы сами впились в подоконник. Суставы заныли, но она не разжала хватку.

Её бросило в жар. Дышать стало труднее. Футболка под рубашкой прилипла к телу, и Марина, отцепившись одной рукой от подоконника, торопливо расстегнула верхние кнопки.

Что со мной? Почему его приезд действует сильнее, чем сдача дел прокурору? Страшно? Или?.. Или что? Приливы! Опять приливы! Говорят, что Бог создал женщину, не спрашивая на то её желания. Кто придумал эти приливы? Наверняка я сейчас похожа на варёную свёклу: красная, круглая и скользкая. Впрочем, сам меня здесь запер, пусть сам и отдувается. Я ему помогать не буду.

Хлопнула дверца машины.

Марина увидела, как Колчак вышел из салона своего внедорожника. Поднял глаза. Посмотрел прямо в её окно.

Она вздрогнула и на полшага отступила в темноту.

Увидел? Нет?

Она почти была уверена, как увидела: уголок его губ дрогнул.

То ли улыбка, то ли предупреждение.

У хищников бывает такая — самодовольная, уверенная. Мышь никуда не денется. Она у него дома. Он хозяин ЭТОГО дома, а, значит, и её хозяин.

Следом прыгнул на снег Сальник. Мужчины, переговариваясь, пошли в дом.

Спокойно... спокойно... — «бормотали» мысли. — Чёртovo сердце, перестань греметь, я из-за тебя ничего не слышу. Что происходит внизу?

Каким-то тайным чувством, называемом женской интуицией, она поняла, как мужчины вошли. Теперь на снегу появились ровные жёлтые квадраты от освещённых окон первого этажа.

Потом тишина вновь сгустилась. Тяжёлая, вязкая.

Марина села на подоконник. Она прекрасно знала, что должна спуститься. Поздороваться. Показать уважение, покорность... *лояльность*. Быть хорошей девочкой. Быть паинькой. Но что-то внутри сопротивлялось. Не позволяло ей этого сделать. Пойти на поклон? Признать своё поражение? Принять его как хозяина положения? Ну уж нет. Он должен, он просто обязан понять, что она только из *одолжения* находится здесь. Что человек она негордый: надоест — и уйдёт. Усмехнулась. *Как же, уйдёт. Если он отпустит. А отпустит ли он? Он чётко обозначил: она его собственность.*

С улицы раздалось ворчание мотора. Марина подскочила словно мячик и опять бросилась к окну. Сальник в распахнутой настежь дублёнке бежал к машине. Второй машины уже не было. Скорее всего, её загнали в гараж. Просто она не слышала.

Но почему я слышу входную дверь, каждый шаг в коридоре — и совершенно не слышала, как закрывался гараж? Или мой слух выбирает только то, что связано с ним?..

Машина Сальника рванула, резко развернулась и выехала за ворота.

¹ Подснежниками на жаргоне оперов называют трупы, которые обнаруживают весной, когда сходит снег.

Свет во дворе погас. Лишь одинокая луна серебрила утопанную поверхность, блестящую как каток. И только одно жёлтое пятно от кухонного окна оставалось на снегу — маленький островок света посреди синеющих сугробов под окном.

И Марина вдруг поняла: она в ловушке. В ловушке, в которую загнала сама себя. Она здесь. Наверху. Стоит у окна. И ждёт. Чего-то ждёт.

И он — внизу.

И тоже ждёт. Или уже не ждёт? Что это? Его шаги или показалось.

Сердце ёкнуло и замерло.

Дверная ручка провернулась...

Дверь отворилась. Нет, она не видела, она чувствовала это лопатками.

Свет специально выключил. Ну конечно. Призрак-романтик...

Марина улыбнулась. Затаила дыхание. Слух обострился. Он идёт — мягко, бесшумно.

Вот ведь... шкаф-переросток, а ходит, как ниндзя на носочках. Нормальные мужики в носках шлёпают. А этот — шпион пенсионного возраста.

Даже удивительно, что такой огромный мужчина умеет передвигаться по-кошачьи. От этого сравнения ей стало смешно. Вспомнилась домашняя кошечка, которая когда-то жила в родительской квартире. Это милое и невесомое создание носилось по комнатам, словно стадо слонов: «Ты-бы-дым, ты-бы-дым, ты-бы-дым».

Она как-то спросила у Коровкина, с чего бы ему так ходить. Колчак ходил уверенно. Обычно его за версту слышать: крупный, размеренный шаг, наводящий ужас на недругов. Неужели на него так повлияло перевоплощение из авторитета Колчака в бизнесмена Коровкина? А он ответил, что когда скрываешься от ментов — «Простите, от ваших бывших коллег», — поправился учтиво, но не без иронии, — должен стать невидимым и неслышимым.

Марина едва дышала. Пальцы на ногах сами поджались. Вот сейчас он подойдёт, обнимет со спины, положит руки ей на живот, прижмёт к себе, уберёт прядку волос с шеи... Задержит дыхание у её уха, шепнёт милую пошлость, а потом...

Стоп: или живот, или шея. У него же не три руки. Что-то я уже запуталась в ана-томии. Ладно, одной рукой пусть обнимает, а другой откидывает. Губами коснётся нежной кожи, зубами прикусит, языком погладит...

Она едва сдержалась, чтобы не застонать, настолько явственно это представляла.

Ну где он? Чего он там высисживает? В очередь, что ли, встал? Или решил меня довести до истерики и обморока?

Она едва не топнула от негодования. Почти. Но выдержала. Конечно, выдержала. Леди. Правда, у леди слегка дрожали колени.

Женщина прикрыла глаза и вновь представила его объятия. Как развернёт он её, выдохнет ей в губы: «Мариша» и... она чуть не застонала.

Нет, на самом деле, сколько можно? Всё, сам виноват, что заставил её ждать.

— Василий Петрович, я прошу покинуть мою личную территорию! — заявила она и резко обернулась. Никого. — Ага... ниндзя, блин, — пробормотала обескураженно.

Поморгала. Постепенно глаза, длительное время смотревшие на падающий снег, привыкли к темноте.

Её комната была тихая, приличная, разумная — в отличие от её фантазий. Вот диван-кровать с аккуратно сложенным пледом. Она любила этот плед. И хотя в коттедже Коровкина поддерживалось комфортное тепло, она предпочитала, чтобы плед был всегда при ней. Марина не была капризной в плане комфорта. В командировках где только не побывала. И в тайге в вагончике жила, и в полузамерзшей гостинице на одной кровати с опером, чтобы хоть как-то согреться, ночевала. Видимо, не хватило ей в жизни какого-то тепла, какой-то заботы. Плед давал ей успокоение. Покой.

Так, на кровати только плед. Василия там нет. Она подошла, присела на диван. Привычно провела рукой по пледу, будто проверяла, а не спрятался ли кто-то там. Перевела взгляд в другую сторону. Там, у второго окна, стоял её рабочий стол. Рабочий. Смешно. Где она работает? Кем? Пленницей в замке Колчака? Затворницей? Личной рабыней? Не домработницей, и на том спасибо.

Этот стол появился недавно. Они вместе его выбирали. Красивый современный дизайн. На столе новенький органайзер с остро отточенными простыми карандашами, коробочками со всякой ерундой: капсулами для чернильной ручки, ластиком, точилкой; нож для бумаги, разноцветная стопка квадратиков для заметок, блокнот из плотной тиснёного цвета слоновой кости бумаги. Всё это новое, с приятным запахом канцтоваров. Марина всегда испытывала слабость к такого рода вещам. В выдвижном ящике стола лежал персональный лэптоп. Правда, без подключения к Всемирной паутине. «Станешь женой, тогда и в свет выйдешь, а пока довольствуйся домашней сетью». Коровкин постановил, Сальник исполнил.

Интересно, а зачем Сальник приезжал?

Марину кинуло в жар. Как она ненавидела эти приливы. Она ненавидела сейчас своё тело, увеличивающееся, словно квашня на дрожжах. Кто придумал этот климакс! Внезапно себя стало жалко. Да выбросит её Василий, как собачонку. За ним вон какие девицы ходят. Это ему такт и жалость не позволили её послать куда подальше. Разве он мог представить, что за то время, когда они не виделись, она увеличилась чуть ли не вдвое. Кому нужна такая корова.

Томительное ожидание сменилось злостью на себя. Сдерживаемые эмоции потребовали выхода.

– Василий, ты здесь? Выходи! Хватит прятаться! – обратилась она в тишину. – Я тебя вижу! – добавила на всякий случай.

Но тишина оставалась немой. Тогда Марина решительным шагом направилась к двери, резко её распахнула и собралась уже пойти к лестнице, как за спиной услышала «Чёрт!»

Женщина обернулась. Василий стоял за распахнутой дверью, которая, вероятно, встретила с ним. В одной руке он держал нежные розово-зелёные розы, а другой зажимал нос. Сквозь пальцы сочилась кровь.

– Вася?! – Марина растерянно смотрела на мужчину: – А ты чего здесь делаешь?

– Танцую, непонятно? – проговорил он, протягивая ей букет. – Вот, возьми.

– Зачем? То есть, спасибо. Ты что, подслушивал?

– А было что? Ты теперь сама с собой ведёшь беседы или на луну воешь? – в голосе послышался смехок.

– А что с носом? – она понимала, что вопрос звучит глупо, но надо же было что-то говорить, – ты укололся?

– Ага, розами нос парил. Да возьмёшь ты этот букет или нет?

– Пошли, тебе надо нос промыть, – Марину начал разбирать смех. Но так как она понимала, что сейчас, в общем-то, смеяться не к месту, пыталась сдерживаться. И от этого ситуация становилась ещё глупее.

– Вазу возьми, – мужчина двинулся в её комнату.

– Стой! Ты что, у меня собрался в вазе нос мыть?

– Марина, ёшкин валенок, ты чего тормозишь? Вазу для цветов, а я в ванную нос мыть.

Марина осторожно взяла букет. Её так и прорывало похихикать. Поэтому она прошмыгнула в свою комнату и захлопнула дверь.

– Марина, в следующий раз, пожалуйста, не выбивай дверь. Ты не заперта.

– А ты не подглядывай, – парировала она.

– Можно подумать, что я чего-то у тебя не видел.

Женщина зажгла свет. Василий знал, что она любила, когда на её рабочем столе стояли срезанные цветы, и по возможности старался приобрести что-то новое, чего ещё не дарил.

Она любовалась букетом. Вроде невзрачные с виду, они казались такими нежными, с чудесным ароматом. Она аккуратно провела по краю лепестков подушечкой указательного пальца.

Вскоре раздался робкий стук, затем дверь открылась, и в комнату без приглашения вошёл Коровкин. Он успел переодеться в домашний костюм. Волосы были влажные. А вот нос напоминал сливу. Он подошёл к ней и подумал, что согласен ещё раз встретиться носом с дверью, если потом ему будет позволено стоять рядом и смотреть, как она трогает, нюхает, улыбается. *«Она моя будет. Только моя. Никому не отдам.»*

– Ты как завтра на работу пойдёшь? – спросила она, обернувшись, протянув руку к распухшему носу.

Он перехватил её руку, поднёс пальцы к губам, поцеловал, а потом поднял на неё глаза и ответил:

– Ногами. Так и скажу: жена заподозрила в неверности, – он хихикнул и от боли сморщился.

– Хочу напомнить, что я ещё пока не жена.

– Хорошо, невеста. Представляешь заголовки газет: «Жертва домашнего насилия Василий Коровкин». Пойдём ужинать. Сюзанна сказала, что ты и не обедала. Это понимать, как голодовка?

Она помотала головой. Как ему объяснить, что она и так жирная? Раньше хоть на работу ходила. А сейчас? Дома сидит. Ну да, у него есть мини-спортзал – пара-тройка тренажёров и бассейн. Но одной там заниматься скучно. Да и пробовала уже, но вес только прёт.

Он взял её за руку и потянул за собой:

– Марина... нам нужно поговорить, – сказал тихо, но уверенно.

Глава 1. До свадьбы

– Мариша, ну и как ты его решила назвать? – Коровкин положил руки на плечи женщине, наклонился и поцеловал в щеку.

– Кого его? Колчак, я надеюсь, ты не думаешь, что я тебе рожу ребёнка? — она повернула голову, и её губы встретились с его губами.

Прошла буквально пара дней, как они подали заявление в ЗАГС, а Коровкин ведёт себя как законный муж. Он, казалось, пытался наверстать упущенное и сейчас всё время трогал, гладил, целовал.

– А почему бы и нет? — и он хитро посмотрел на неё. – Ты же сама слышала, как мне приписывают отцовство различным малышам. Так что я ещё ого-го.

– Колчак, вот ты и рожай! Мне, между прочим, уже пятьдесят лет, скоро пятьдесят один. Какой ребёнок? Ты сбрендил? Пока ещё не поздно, беги в ЗАГС, забирай заявление и ищи себе молодую, – Марина стряхнула его руки с плеч. Пошла на кухню за очередной порцией кофе. В последнее время она сильно нервничала и пыталась успокоиться при помощи убойной дозы ароматного, но крепкого напитка.

– Маринка–картинка, — засмеялся Василий и пошёл вслед за ней, – хватит кофе глушить, это вредно для здоровья.

– Слушай, а не пошёл бы ты... Ещё мужем не стал, а уже достал, — женщина была не в духе. – Коровкин, ты обещал, что как подадим заявление, ты меня освободишь. Я долго в осажденной крепости сидеть буду? Реально достал уже. От Камалы нахватался? Узурпатор. Хочу – халву ем, хочу – варенье. Ясно? И не тебе мне указывать! Что, не ожидал? Ты думал, что я белая и пушистая? Я настоящая мегера. Подумай, нужно ли тебе это ярмо? — руки в бок. Ещё половника не хватает для боевой обстановки.

– У тебя ПМС? Ты чего раскипятилась? — он явно не ожидал такого. Василий остался стоять около окна, присев на подоконник.

– Какие слова-то мы знаем. Всё, я гулять, за ворота, – Марина решительным шагом направилась к сеним, где должна была висеть её дублёнка.

– Иди, — Василий усмехнулся. – Я посмотрю, далеко ли уйдёшь за ворота-то. – он смотрел, как она открывает и закрывает шкафы, но никак не находит то, что ищет. – Марина, хватит, что случилось? Свободна будешь после того, как я окольную тебя. Ты помнишь это условие. У тебя была возможность уйти, но ты ею не воспользовалась. А про название я спрашиваю для агентства.

– Какого? — она застыла в дверях. – Я думала, что это шутка.

– Какая шутка? Ты у нотариуса подписала, я тебе здесь повторил. Мой свадебный подарок прописан в брачном контракте: я дарю тебе детективное агентство. Тебе осталось его назвать, дожидаться, когда станешь женой и приступить к деятельности.

Детективное агентство, шутка ли? Сколько лет она плакала в подушку от той тоски, что разъедала сердце. Её работа была для неё хобби. До сих пор жалеет, что вот так вот рубанула тогда с плеча. И замуж-то выходила, чтобы от себя убежать, чтобы Кристика как бы при отце была. Убежать не получилось. А вот отец из Степана вышел неплохой. По крайней мере, она не замечала, чтобы он относился как-то по-особенному к девочке, не делил её и родных.

В первое время после того, как они уехали из этого городка, Марина отдыхала. Наслаждалась семейной жизнью: спала, сколько хотела, готовила в удовольствие, с дочерью играла или просто садилась рядом и наблюдала, как та играет, и снова спала.

Но прошлое не желало её оставлять. По ночам она рыдала в подушку, изнывая в тоске по любимому делу – сколько раз ей снилась работа! Нет, следовательно – это не работа, это образ жизни. У следователя семья – это работа.

Вот и сейчас перед глазами всплыло воспоминание. У неё крупное дело тогда в производстве было по бандитизму. Обвиняемых десять человек, потерпевших ещё больше. А свидетелей тьма-тьмушая. Оружие изъяли — роту солдат можно было снарядить. И тротил, и пистолеты. Но главным образом понравилась штучка: внешне как шариковая ручка, а стреляла патронами девятого калибра. Говорят, что охотники её на белок использовали — чтобы в глаз, шкурку не попортить.

Оружие Марина любила ещё со школы. Занималась в секции пулевой стрельбы. Сладковатый запах пороха для неё был дороже духов.

В общем, дел невпроворот. Хотя и работали на неё опытные оперы, и в помощники следователей из городского отдела давали, а всё равно сама любила всё проверить, перепроверить. Домой приходила только спать, в полночь, утром ровно в восемь уже машина ждала. И так полгода без выходных и проходных. Трудовой кодекс не про следователей писан. Для них — Уголовно-Процессуальный. И попробуй не уложишься в сроки. Можно не только погон лишиться, но и самому отправиться по ту сторону решётки. И никого не волновало, что у следователей всего двадцать четыре часа в сутках и ни минутой больше. Дочку почти не видела. Хорошо, что родители ни словом, ни полусловом её не упрекали. Только нет-нет, да и скажет мать: «Замуж бы тебе, дочка, а со своей работой ты и парней нормальных не видишь», да вздохнёт отец: «Кристинке братика бы...» Очень он мечтал о внуке.

А ей работать всё в удовольствие было. Какие там женихи? Зачем они ей? А ещё был страх, что Кристине с отчимом плохо будет.

Так вот, рабочий день подходил к концу. Последний допрос на сегодня. А потом... выгнать всех и не спеша разобрать наработанное, подготовиться к утру.

Перед ней сидел флегматичный молодой человек. Каждый звук выдавал, словно протекающий кран — в минуту по слову, если не реже. За дверями тишина. В кабинете тепло. Допрос длился уже больше двух часов. Но он того стоил. Свидетель этот появился неожиданно. Информацией владел важной. А ещё у него был огромный бонус: человек он был внимательный, подмечал и запоминал мелкие детали. Наконец-то допрос окончен. Это только в фильмах следователь допрашивает, а секретарь пишет. А в жизни ты и допрашиваешь, ты и пишешь. Марина научилась стенографировать допрос. Поэтому выходили они у неё максимально точными. Стенография-то хорошо, да никто, кроме самого пишущего, не разберёт. Стала перепечатывать, да по ходу допроса уточняющие вопросы задавать. Ещё час прошёл. Осталось только прочитать и подписать.

Молодой человек взял в руки распечатанные листы и... Что было дальше, знает она со слов оперативников. Её никогда одну в здании не оставляли. Женщина всё-таки, мало ли что. Так вот, сидят два опера, играют в шахматы. Вдруг смотрят, открывается дверь, и свидетель, спиной, на цыпочках выходит из кабинета и осторожно прикрывает за собой дверь. Опер он и есть опер, всё равно что хорошо выдрессированная овчарка. Молча налетели они на парня, скрутили, руки за спину, наручники на запястья. Заглядывают в кабинет и видят чудную картину. Их следователь сладко посапывает, подложив руки под голову.

Так вот, первое, что она делала после увольнения, это отсыпалась. Три месяца точно проспала. А дальше скучно стало. Мужа по работе перевели в небольшой городок. Для бывшего следователя приличной работы не нашлось. И Марина, к великой радости дочери и супруга... Не будем душой кривить и говорить, что все мужчины без исключения мечтают видеть пердовика производства в качестве жены. Нет, мужчины хотят, чтобы она была и ткач, и жнец, и на дуде игрец. В общем, осела она дома. Решила чему-нибудь поучиться, да забеременела одним, потом ещё одним. Тоска по работе отошла на второй план — шутка ли, трое на руках. И пусть Кристина уже большая, ревность у девочки к малышам появилась. Вот и разрывалась Марина: и чтобы время старшей уделить, и младших не обидеть. Детям отдавалась так же, как

некогда отдавалась работе. Но вот дети выросли. В материнской всепоглощающей заботе не нуждались более. И женщине ничего не оставалось, как податься юристом на фирму. После следствия работа на гражданке – скука смертная. А главное, она никак не могла понять саму структуру. Следовательно-то, как рассуждает, – он даже слова потерпевшего должен подвергать сомнению. А в гражданском праве каждый сам за себя. А она не умеет за себя. Ей надо посередине – разобрать и своих, и чужих.

Встряска, которую ей дал Коровкин, вдохнула в неё свежую струю, открыла второе дыхание.

– Мариша, сейчас мой старый знакомый придёт. Он у меня всю бухгалтерию ведёт. Он будет и твою фирму на аутсорсинге обслуживать, если найдёте общий язык. Правда, он тоже из этих, из судимых. Но не сидел, условным отделался.

– И зачем ты мне это сейчас говоришь? Да отлепись ты уже, Коровкин. Виагры нагло тался, что ли? — она в очередной раз скинула с плеча его руку. И что с ней действительно происходит? Чего нервничает? Не из-за свадьбы же.

Во, Коровкин артист. Он ведь и правда её бывшего и свою бывшую пригласил. Степан так и опешил. На свадьбу бывшей жены позвали. Цирк с конями да и только. Думаете, отказался? Ничуть. Вероятно, захотел себе нервы пощекотать.

– Мариша, я думаю, что на роль директора ты можешь Сальника взять, – продолжал жених.

– А я тогда кем буду? — нахмурилась она. Вроде его подарок, а командует как собственник.

– А ты хозяйкой. Я просто советую. Если я тебя хорошо изучил, ты же не будешь сидеть в кабинете. Ветер в пятую точку – и тебя уже нет. А Сальник уже умеет и с налоговой беседовать, и с прочими проверяющими. Да и первую встречу сможет провести. Видишь ли, бизнесмены иногда предпочитают разговаривать со сведущими в их делах людьми.

– Какие бизнесмены? Я же вроде детективное агентство, а не коллекторское, получила в подарок.

А Коровкин тем временем продолжил:

– Панасенко – человек опытный. Лишним не будет.

Она на минуту задумалась. Панасенко. Что-то это ей говорило. Но что? Сколько дел вела, сколько лиц...

Глава 2.

Марина поднялась к себе в комнату.

Коровкин ей отдал пока гостевую, ту самую, в которой она жила после похищения. Сказал, что до свадьбы может пользоваться в дневное время суток. Ночное обсуждению не подлежит. Зря, что ли, похищал?

Вообще, вопрос личного пространства обсуждался долго и бурно. Поначалу поместил её у себя в комнате. Выделил полки, поставил тумбочку. Он уже и забыл, когда женщина командовала в его спальне.

– Колчак, ты хочешь, чтобы я свои прокладки складывала рядом с твоим кошельком? – она не стеснялась в выражениях. – Я выдвигаю ультиматум! Или ты мне выделяешь комнату, или я уйду! — руки на груди сложила, повернулась на пятках, вскинула гордо голову и застыла.

Он подошёл к ней, обнял со спины, поцеловал в шею и прошептал на ушко: «Иди, а я посмотрю, успеешь ли до дверей дойти».

Ему нравилось её дразнить. Казалось, что сбросил годы: вот он, юный, дерзкий. Нет, не себя видел Вася Коровкин, бывшего уголовника. Не хотелось видеть себя. Перед глазами вставал образ сына, такого же гордого и непокорённого, но неиспорченного тюремной романтикой. А потом представлял её, ту самую, испуганную, как в последнюю встречу в общежитии, непорочную. Его фантазия рисовала ему картинки несуществующего прошлого. И везде он был терпеливый и страстный, а она покорная и любящая. Хотя иногда пробирал смех: где Марина, а где покорность.

Поселить-то поселил, да хотелось, чтобы она не гостьей, а хозяйкой себя в доме чувствовала. Вот и наблюдал потихонечку, где чаще время проводила. А коротала она его в той самой нише, где уснула однажды. Хорошая комнатка там получится, небольшая, с балконом, выходящим к залу. Архитектор сказал, что с боковой стороны можно пристроить лоджию.

Марина хоть и повыступала, что она гостья здесь временная, а всё же условие поставила:

– Мне посередине гришу боксёрскую повесьте. Буду тренироваться! Не выполнишь – на тебе начну удары отрабатывать.

Коровкин гришу-то установил, да только не в нише, а в спортзале, который в подвале рядом с бассейном и сауной располагался. Хочет бедовая женщина гришу – пусть получает. Хоть пар будет выгонять.

Марина подошла к окну. За стеклом вовсю командовала зима. Только она была какой-то неправильной. Вместо пушистого и мягкого снега, который должен к себе манить, небеса сыпали колючей дробью. Желание выходить на улицу пропадало только от одного звука атакующих стекло и карниз крупинок. Создавалось впечатление, что Коровкин заключил пакт о помощи с тем, кто распределяет дары небесные. А в доме стояла обласкивающая и расслабляющая теплота.

На кухне постоянно кудесничала кухарка. Она невзлюбила Марину, но терпела. За что невзлюбила? В еде неприхотлива, в общении не сварлива.

Коровкина обслуга боготворила. Строгий, но не жестокий. Без надобности не придирался. Платил хорошо, но и спрашивал. Марине же сказал, что если она захочет показать свои кулинарные способности, то он совсем не против.

Кулинарные способности его возлюбленной выражались в умении почистить картошку да сварить её с покупными сосисками. Когда-то по молодости она пироги пекла. Но это было так давно, что, кажется, ещё во времена динозавров. Раньше-то бывший муж готовил. Так что наличие кухарки её ничуть не огорчило, а, наоборот, обрадовало.

Теперь иногда она сидела на кухне со скучающим видом и оказывала от нечего делать посильную помощь. Вот за это «нечего делать» и не любила её стряпуча, женщина в возрасте, проработавшая всю жизнь в школьной столовой, и которая, выйдя на пенсию, подалась «в люди», как говорили раньше.

Марине откровенно было скучно. Надо бы последовать совету Василия да пойти в спортзал или в бассейн, а так не хочется. Погода мрачная. Полный депрессняк.

Она стояла около окна и морщилась, как будто колючий снег лупил по щекам.

В дверь постучали. Надо же. Вежливый какой. А вначале вёл себя как узурпатор.

– Мариша, гость уже пришёл. Переоденься и спустись к нам, пожалуйста. Я тебя с ним познакомлю.

Она подошла к шкафу. Открыла дверцы. Одежды висело немного. Во-первых, много. Сальник не дал с собой забрать из дома. Во-вторых, она хорошо набрала вес за последнее время, и старая одежда выглядела на ней как форма первоклассника на выпускнике.

Задумалась. Тот всплеск адреналина, который дал ей Коровкин, когда за ней охотился, уже весь впитался и вывелся из организма. Пятая точка точно требовала новой порции приключений. А их не было. Душа выла от бездействия. Наверно, так томится гангстер в застенках.

Достала майку-топ и летние шорты. Дом у Коровкина хорошо отапливался. Не замёрзнет. И если шорты смотрелись бы куда ещё ни шло, то топ точно был не к месту. Он сворачивался трубочкой под неожиданно выросшими грудями, оголяя «жиртрест». Её аж передёрнуло от омерзения к собственной фигуре.

Задумалась, стоит ли так мстить Коровкину или с этим можно обождать.

Второй вариант выглядел скромнее: платье-футляр с разлетайкой спереди. То самое, которое было на ней в день первой встречи около суда. Благодаря фасону оно скрывало недостатки фигуры. Надевать более строгое не хотелось. Всё-таки ужин дома, не в гостях. Да и если опять кинет в жар... Лучше что-то полегче и тонкую шаль на плечи.

На сей раз дверь распахнулась без стука.

Василий стоял на пороге. Спокойный как удав. И только невидимыми волнами от него исходило недовольство.

– Марина, я понимаю твоё желание показать всему миру, какой я нехороший человек, — от его взгляда не укрылся небрежно валявшийся на кровати топик. — Но имей в виду, что этот человек на первое время будет твоим бухгалтером, а ты его начальником. Давай, мы тебя ждём. Сюзанна уже накрыла к ужину и уехала.

Марина ничего не ответила. Посмотрела, как закрылась дверь за Коровкиным. Переоделась в платье. Лёгкий макияж. Решила, пусть Коровкин завидует сам себе, что такую женщину завёл, и ежедневно произносит хвалу небесам. А хвалить небеса ему было за что. Хотела бы, давно бы сдала за то, что в заложниках держит. Тогда бизнесмен Василий на раз-два-три вернулся бы на хорошо знакомые ему с юности нары.

Отражение усмехнулось. Нет, недостойн он такой милости. «Я ему такое устрою, что сам побежит сдаваться, лишь бы от меня свободным стать», — от этой мысли настроение подскочило, как резиновый мячик от гладкой поверхности.

Улыбнулась. Надо же поднимать себе настроение. Нельзя хандрить. Понимала, что нельзя поддаваться и депрессии, но что-то внутри заглушало радость жизни. Драйва не хватало. Василий целыми днями работал. А она... Собачонку, что ли, завести. Или лошадь. Последнее пришлось больше по душе.

Мужчины сидели за столом и тихо беседовали о каких-то счетах. При появлении женщины замолчали. Василий, как галантный кавалер, подставил стул, помог сесть.

– Познакомься, Константин, это моя невеста. После свадьбы она станет владелицей детективного агентства. Как друга прошу, первое время ей пособить в бухгалтерии, а дальше, как уже пойдёт у вас.

Невысокий, коренастый мужчина с мохнатой бляшкой–родинкой под левым глазом улыбнулся одними губами. Глаза насторожились.

– Невеста, говоришь, Василий. Что ж, очень приятно. А как невесту звать–величать?

– А то не припомните, ваше благородие, — Марина повернула к нему голову. Усмехнулась. – Коровкин, ты, извини меня за мой французский, но ты полный сам знаешь кто. Контрабандиста мне в бухгалтера. Из этих, из бывших белогвардейцев.

– Мариша, я-то у тебя понятно, что контра, Колчак. А он кто? Врангель, что ли?

– Нет, Вася, он Константин Петрович Панасенко. Благородных кровёв, не так ли? В далёкие времена славной царицы Елизаветы сосланные в Сибирь... Ну или что-то типа того. Мне его полюбовница такие песни пела о том, какой он замечательный, с родословной, идущей от пещерного человека...

Панасенко долго сохранять серьёзность не смог. Скатился в хохоте.

– Вот это память, Марина Вячеславовна. Не думал, не гадал, что встретимся, да ещё при таких обстоятельствах. Между прочим, вашими молитвами отделался я тогда условным сроком.

– Нет уж. Если бы моими молитвами, то пошли бы в лесники, да рубили бы делянки метр на два. Вот и мне интересно узнать, как это вы отделались условным сроком-то? Жаль, не довела я вас до конца, уехала. Кстати, а расскажите–ка мне, неужели вы действительно в порчу верили?

Панасенко от неожиданности даже подавился.

– В какую порчу? Вы о чём?

Василий же крутил головой из стороны в сторону, ничего не понимая.

– Да ладно! — она махнула рукой. А дальше продолжила заунывным голосом. – Возьми кошку, пойдём на кладбище её зарывать. А я такая думаю, и чего это вы каждое утро перед управлением маячите? То на допрос не дозовешься, то тут как тут.

– Мариша, – Василий вкрадчиво произнёс, глядя на свою невесту. А на языке так и вертелось: «У тебя всё хорошо?».

– Васенька, ты думаешь, что ты у меня самый знаковый был? Да передо мной такая плеяда выдумщиков и фантазёров прошла. Знаешь, где находятся победители конкурса «Алё, мы ищем таланты»? Среди вам подобных. Этот гусь благородных кровей, мало того, что порчу попытался навести, так ещё и порновидео с моим участием снял, а напоследок стрелять надумал. Вот и объясни мне, как при таких делах да условный срок?

Панасенко кинул беглый взгляд на Коровкина. А у того уже шея покраснела. Так, гнев и прорывается. Марина же закинула ногу за ногу, прикусила ноготок, глазки сощурила. Ай, красота какая. Сидит и ждёт, когда же спарринг начнётся.

И, как всегда, очень не вовремя нарисовались Сальник да Герыч. Колчак-то решил собрать всю компанию, чтобы к делу приступить. Заказ уже есть, и упускать его не стоит.

Сальник первый сообразил, что атмосфера в зале накалилась.

– Марина Вячеславовна, ну как вам здесь? Опять успели напакостить? — он сел на свободный стул, который стоял между Коровкиным и Панасенко. – Костя, расслабься. Или ты тоже встретил своего любимого следователя?

Сальник, как привёз на самолёте тогда полупьяную красавицу, так носа больше и не показывал. Не было необходимости. Вроде как успокоилась, пообещала жизнь Колчака в «праздник превратить». А превращать можно, только когда рядышком живёшь.

– Встретил, и, оказывается, за Костей такой грешок тянется... — ноздри у Василия раздулись. Точно бык, перед глазами которого красной тряпкой помахали.

– Василий Петрович, что вы, что вы... — Панасенко побелел. Хоть Коровкин и отошёл от дел, да бывшими авторитеты не бывают.

– Тогда по всем тюрьмам было передано: пальцем её не трогать! Моя забота. А ты...

– А чего ты на него прёшь-то, — Марина оглядела стол. Вздохнула. Только минералка. Похоже, Коровкин всерьёз опасался, что дама сердца в знак протеста может спиться. — Он же в тюрьме не сидел. И до последнего ходил у меня как свидетель. Откуда знал-то, что пальцем меня трогать нельзя? Слушай, а чего ты мне об этом тогда не говорил? Я ведь три раза под охраной ходила. Весело было! Вот бы разошлась... Эх, весёлое времечко было.

Герыч, который всё это время молчал, наконец вставил свои пять копеек:

– Ты это, того, Марина, ты бы ведь всё равно умудрилась вляпаться в историю. Василий Петрович тебя оберегал, да ты же на рожон так и лезла. Чего, того этого, далеко ходить? В этот приезд. Степенная дама, солидная. А вела себя, как не знаю кто. Сбегала, пряталась. А? И что?.. всё равно привезли тебя с Тили–Мили–Трямдии. Наши привет передают. Петрович, отпустишь в субботу ко мне на дачу свою драгоценную?

– Быстро слух распространяется. Сам привезу. Не побояться твои?

– Колчак, ты только свою гамму фа–диез не бери, а то там и прокурор, и судья будут. Смотри, накинута ей срок за оскорбление властей... — Марина усмехнулась. — Ужинать-то будем? Раз я начальник, то даю указание: война войной, а подкрепиться не мешает.

Ещё раз оглядела стол, встала, пошла в сторону погреба. Она от скуки весь дом облазила.

– Ты куда? — Василий прекрасно понимал, что она надумала.

– Так, вина забыли на стол поставить, — простодушно ответила.

– А у нас никто не пьёт.

– У вас, может, и не пьёт, а у нас очень даже. Душа горит, залить хочется, — и пошла по ступенькам вниз, затворив за собой дверь.

– Василий Петрович, я ведь с заседания. Не ужинавши, — попытался перетянуть на себя внимание Герыч. — Сам понимаешь, просудили мы твой иск. Так что корми меня теперь. Шестьсот пятьдесят тысяч отсудили.

– Герыч, спасибо, конечно, но чего не отсудить-то было, когда всё было в нашу пользу? И напомнить тебе, кто прошляпил? Кто мне того юристика рекомендовал? Не ты ли? Вот и отработывал свой грешок. Константин, накладывай, ешь. Чего стесняешься? А я пойду, красу свою проведу. Чтобы не заблудилась.

Глава 3

– Мариша, иди сюда, покажу тебе что-то! — раздался снизу голос Коровкина.

Гости ушли. Прислуга ещё раньше удалилась. Марина сказала, что она пока хозяйкой себя не чувствует (удобно устроилась, не правда ли?), в итоге Василий Петрович остался на кухне за хозяина. Откровенно говоря, он не очень-то и возражал.

Педант и чистоплюй (тюрьма к порядку приучает лучше армии), Василий терпеть не мог, когда вещи лежали не на своих местах. Поэтому после пары раз, когда Марина проявила инициативу и всё разложила по своему усмотрению, он вставал ночью и тихонько перекладывал.

Она только что вышла из душа и сооружала на голове тюрбан из полотенца. Вот так с поднятыми к своему творению руками и спустилась в зал.

– Так, что бы это значило? – спросила она Коровкина, который сдвигал мебель с ковра.

– Иди ко мне поближе. Будем пить красное вино, закусывать сыром и смотреть телевизор, — и он довольный уселся на ковёр, хлопнул около себя рукой.

– Ага, стало быть, камин у нас теперь заменяет телевизор. А фильм, я так понимаю, называется «Гори, гори, моя дрова».

Коровкин уселся на ковёр, спиной опершись о подножье углового дивана, с улыбкой наблюдал за женщиной. Ранее стоявший в этом месте стеклянный столик был изгнан за пределы пушистой поверхности и теперь с обиженным видом взирал на наглого хозяина с паркета. Напротив, в камине, трещал огонь, выплёвывая яркие брызги.

– Так, змей искуситель, а где вино и сыр? — она опустила на колени, как татарин перед молитвой.

– Вот, — и он показал на поднос, который стоял на диване за его спиной.

Марина подползла на четвереньках, села на колени напротив хозяина дома, соблюдая безопасную дистанцию.

– Коровкин, а давай ты будешь смотреть другой кино, из разряда «Марина напивается». Ставь между нами поднос и приступим сразу ко второй серии.

– Хитренькая, — и он резко протянул руку, схватил невесту и подтянул к себе. – Нет, я не люблю пьяных женщин, я люблю развратных и бессовестно-пошлых, — обняв её руками и ногами, прижав к себе так, что между её спиной и его грудью не осталось свободного пространства, прошептал в ухо: — Рассказывай, что там за порнофильм с твоим участием был снят. Очень хочется посмотреть, чем занималась моя невеста в молодости.

– Веришь? Расследовала преступления. Клянусь мизинцем на твоей ноге, чтоб ему отсохнуть, если я вру. Но могу и рассказать. Надеюсь, Панасенко останется при своих причиндалах, и ты его в евнухи не превратишь. Но есть одно условие, — она хитро посмотрела на него. — Обещай, что исполнишь.

– Нет, Мариша, сначала скажи, а потом я посмотрю, стоит его исполнять или нет.

– На нет и суда нет, — Марина неожиданно встала, тряхнула мокрыми волосами и направилась к камину. – Коровкин, — она повернулась к нему лицом, — я же и так уже пообещала выйти за тебя замуж. Тебя не сдала, хотя могла. Ладно, признаю своё поражение, выпусти меня на волю, а то ненароком выть по ночам начну. Прикинь, ты спишь, а я подвываю у тебя под боком.

Василий вздохнул, поднялся, подошёл к ней. Обхватил её лицо руками и молча посмотрел в глаза. От его взгляда душа кувыркалась: её любят. Любят такой, какая она есть – потелстевшей, постаревшей, усталой, вредной, ворчливой. Неужели существует вот такая беспричинная любовь? Или что-то за этим скрывается?

– Колчак, вот скажи мне, — Марина сглотнула. Ей показалось, что в горле сидит ёжик и щекочет своими иголками, — только честно: умер миллионер и оставил мне наследство?

– Какой миллионер? – опешил Коровкин и отпустил руки. Но уйти не дал, перехватил под талию одной, а второй нагло залез под халат. – Ну зачем ты его надела? Прячешь произведение искусств от своего скульптора.

– Не знаю, какой миллионер, – она, в общем-то, не сопротивлялась. Его властные, но нежные ласки были ей приятны. Душа спустилась в кончики пальцев на ногах. Сердце аплодировало его движениям. – Раз ты меня не выпускаешь, есть на это причины? Я хочу их знать.

Он вздохнул, зарылся носом в её волосы, вдохнул аромат. Потом отстранился и принялся изучать лицо женщины так пристально, словно собирался запомнить расположение морщинок.

– Знаешь, Мариша, я очень боюсь, что однажды приду домой, а тебя здесь нет. Понимаешь? У меня сжимается всё в груди, когда я начинаю думать, что могу опять тебя потерять. Прости мой эгоизм, но я не выживу без тебя.

Она подняла глаза и вдруг поняла, что это правда. «Боже, – пронеслось у неё в голове, – как мне благодарить тебя за эту грешную любовь? Неужели я всю жизнь только и жила с ожиданием этого чуда?»

– Вася, – очень тихо сказала она, – я не сбегу. Ты мне веришь? – провела пальцем по его лицу. – Но жизнь тебе испорчу.

– Порть, я для этого тебя и похитил, – закончил он, проводя языком по её губам. Какая смешная, он всю жизнь мечтал о ней.

Он целовал её, утягивая за собой на ковёр.

– Маришка, теперь я буду снимать кино. Где у нас камера... Только ракурс получше выберу, – говорил он, устраиваясь поудобнее.

– А пульт охраны любоваться, – Марина засмеялась, но вырваться не удалось. – Вас–я–а, – заскулила она, вытягивая с удовольствием руки над головой и отдаваясь пороку.

Мужчина бессовестным образом спускался поцелуями по её телу...

Ворс приятно щекотал спину. Она прогнулась, запрокинула голову назад, застонала, блаженно закрыв глаза, как вдруг:

– Коровкин, ты сдурел меня поливать вином? — красная жидкость окропила её лоб.

Женщина дёрнулась, обернулась. Так и есть, недаром некогда она получила прозвище «Марина–катастрофа».

– Марина, ты мне скажи, как ты умудрилась задеть бокал?

– А у меня руки длинные. Разве ты не знал? Всегда и всех доставала. Вот и бокалу не повезло.

Перед её взором возник упавший на светлый кожаный диван хрустальный фужер на высокой ножке. А из него тонкими струйками вытекали остатки бордовой жидкости. У подножья, прямо около головы, она впилась в белый ворс, образовывая рваное пятно.

– Хотя бокалу-то как раз и повезло, не разбился. А вот ковру с диваном нет. Тащи бегом соль из кухни, – командовала женщина, пытаясь вырваться из объятий мужчины.

– Марина, чёрт с ним, с этим ковром. Сдам в химчистку. Не вырывайся, я всё равно своего добьюсь, – и он рванул её под себя.

Она хотела ему возразить, но он не позволил, накрыв её губы своими.

Наконец, обессиленная Марина во втором часу ночи лежала на животе на этом самом ковре, ковыряя пальцем в розовом ворсе. Перед ней на тарелочке лежал кусочек вонючего сыра с плесенью, который был подготовлен к вину.

– Фу, какая гадость. Нет, на сухую он точно не пойдёт.

– Всё, Маринка, пошли спать, — лежал рядом с ней Василий. – Утром придёт Сюзанна, пусть ищет, что делать с вещами. Имей в виду, если они чистке не поддаются, будешь отрабатывать. В долг тебе засчитаю, — его рука опустилась ей на плечо. – А в сыре ты ничего не понимаешь. Это же рокфор!

– Да мне хоть Берингов пролив, — потом повернула голову в сторону, поднесла сжатый кулачок ко рту и проговорила в него: — Чайка, чайка, я сокол. Ваше задание выполнено. Враг обескуражен, имущество выведено из строя, приём...

– Пойдём, приём, — и он поднялся, схватив её за руку, и потянул на себя. — Вот уж чисто катастрофа.

Марина проснулась от голосов внизу. Хорошо, что вышла не в пеньюаре, а в спортивном костюме. Коровкина уже не было дома. Скорее всего, на работу ушёл, а около ковра и дивана сновали люди в спецодежде.

– Это что тут? — спросила она позёвывая.

– Марина Вячеславовна, Василий Петрович бригаду по очистке изделий нанял, — откуда-то сбоку раздался голос Сальника.

– Ба, а ты-то чего тут забыл? — давненько личный помощник её похитителя не охранял её.

– Я вас на кухне жду. Там и пообщаемся, — тон ровный, спокойный. Именно так, а не иначе он напоминает, что она всего лишь пленница его босса.

На кухне под куклой стояла рисовая каша с маслом. Кухарки не было видно. Зато крутилась Сюзанна, экономка.

– Вам кофе или чай, Марина Вячеславовна? – Сюзанна никогда не здоровалась и никогда не прощалась.

– Сама не без рук. Свободна, — и женщина потрясла пальчиками, чтобы та поскорее удалилась. Но Сюзанна не торопилась. Она сделала бутерброды с красной икрой, которые разложила на тарелке. Поставила чашечку с брусникой.

– Свободна, Сюзанна. Спасибо за заботу, но если больше нечем заняться, или сама садись завтракать, или оставь в покое. Я не инвалид. С ножом обращаться умею. А где кухарка, кстати?

– Заболела, — если экономку и задела слова, то она это не показала. — Я должна ещё приготовить обед вам и ужин.

– Сюзанна, так обед я и сама могу приготовить, а ужин закажем в ресторане. Ок?

Экономка бросила недобрый взгляд на растрёпанную хозяйку, потом на Сальника, который кивком дал ей понять, что она здесь лишняя.

– Марина Вячеславовна, вы на неё за что собак-то спускаете? Василий Петрович сказал вас врачу показать. Ему не нравится ваша раздражённость...

– А билет не сказал обратно купить? — она глянула в окно. Терпеть не могла, когда кто-то указывает ей на ошибки. А то, что она сейчас была неправа, не признать не могла.

Да, ей не нравится эта Сюзанна. Она даже не знает почему. Но это же не повод срывать на женщине. Ладно, потом попросит прощения.

– Не надо меня к врачу. Чего ещё хотел? Сигареткой не угостишь?

– И давно курить начали? — усмехнулся. — После завтрака я покажу вам бумаги по первому делу. А пока в двух словах. Было такое предприятие Икс. Существовало оно на рынке металлоизделий лет пять. Работало достаточно успешно. Директор Кошкин Валерий Валерьевич. В прошлом году предприятие получило продукции на пять миллионов и... вдруг объявило себя банкротом. Вот так вот неожиданно, за три месяца из прибыльного превратилось в убыточное. Накануне подачи заявления юрист Охломов попадает в больницу с приступом аппендицита и... умирает.

– Аппендицит разорвался?

– Нет, сердце.

– Не выдержал наркоз?

– Не делали операцию. Аппендицит не подтвердился, — Сальник налил себе душистого чая.

– Тоже был дедушка одной ногой в могиле?

– Нет. Ему было тридцать лет. Вёл здоровый образ жизни. Бегал марафоны, не пил, не курил. Здоров как бык. А потом — бац. Сердечный приступ в больнице, куда он попал с несуществующим аппендицитом.

– Думаешь, убрали?

Сальник пожал плечами.

– И какая наша задача?

– Узнать, отчего на самом деле умер юрист.

Глава 4

Марина хмыкнула: «Нужны результаты вскрытия, желательно эксгумацию делать».

– Марина Вячеславовна, следователь не будет просить разрешения на эксгумацию. Тогда было много шума, – Сальник сделал глоток ароматного чая и поставил чашку. – Молодой юрист – и вдруг сердечный приступ. Причём он совсем недавно проходил медкомиссию. В общем, заключение эксперт выносил чуть ли не под пристальным взглядом следака. Вы бумаги по банкротству посмотреть не хотите?

– Ты думаешь, что там будет написано, отчего умер юрист? – Марина хмыкнула, почесала затылок, вздохнув волосы.

– Может, что на ум придёт, – Сальник вышел из кухни, а когда вернулся, то держал в руках папку синего цвета, перетянутую резинкой.

– Давай, гляну, — она открыла папку и стала медленно перекладывать бумажки. Именно перекладывать, а не изучать. Кухонный стол был слишком мал для работы по размерам, да и присутствие Сальника напрягало. – А тебе не пора идти?

– Нет, я сегодня при вас. Народу много постороннего. Василий Петрович попросил о вас позаботиться. Да и мы же вроде вместе работать будем. Вы планчик мне накидаете, а я выполнять его начну.

– А... чтобы не сбежала. Ясно. То есть я-то сама с людьми встречаться не буду.

– Марина Вячеславовна, хочу вам напомнить. Вы больше не следователь. Вы частный детектив, пока ещё без лицензии. Василий Петрович только документы подал. Никто перед вами сейчас не обязан расшаркиваться. Я уже проводил некоторые расследования для Коровкина, так что мне немного сподручнее. Да и с Громовым знаком. Мы с ним уже имели счастье общаться. Мужик нормальный, без закидонов.

Телефон Марины не отвечал весь день. Если бы рядом с ней не было верного Сальника, Коровкин бы бросил всё и примчался домой, чтобы проверить, не сбежала ли в очередной раз. А так и его помощник молчал. Раз не беспокоит, то всё в порядке.

Дома его застала оригинальная картина. Ковёр скатан и отодвинут в сторону. Весь пол усеян бумагами. По центру его благоверная распласталась. Рядом с ней на животе лежит его верный Сальник. На диване валяется его оперативка с пистолетом. Они что-то рисовали на листе, при этом громко обсуждали.

– Да как ты этого не видишь? Смотри сюда, – Марина жирно обводила какие-то записи.

– То есть, по-твоему, выходит... — *как это «по-твоему»?* Для Сальника она – Марина Вячеславовна, и на вы. Колчак насупился. – Если я поставлю велосипед и не привяжу его, а вор украдёт, то я же и буду виноват, — горячился Сальник.

– Нет, это ты не понимаешь, — она заправила пряжку за ухо. – Если ты поставишь свой велосипед и не привяжешь, то твоё действие будет трактоваться, как виктимное, то есть виновное поведение потерпевшего. А он... он подписал на отпуск продукции ему не принадлежащей в обход инструкции. Его проверяли?

– Марина, они же заявители, – Сальник выглядел измученным, словно собирал виноград под палящим солнцем. Верхние пуговицы его рубашки оказались растёгнуты. Рукава рубашки были закатаны, обнажая покрытые венами руки.

– И что? Понимаешь, задача следователя – подвергать сомнению каждое слово, и ему абсолютно всё равно, заявитель это или подозреваемый. Знаешь принцип? Если не можешь доказать виновность, значит – невиновный. А он должен быть первым подозреваемым... Ты говоришь, что Громов – грамотный мужик. Уж он-то должен знать... Он не проверял, какие

были отношения у Охломова и этого, который подписал отпуск продукции, как его?.. — и Марина положила свою руку на руку Сальника.

Позади раздалось недовольное покашливание...

Сальник и Марина разом оглянулись.

— А, это ты, — женщина посмотрела на Василия.

Тот недобро сощурился.

— Нет, кинооператор. Пришёл кино снимать. И чем вы тут занимаетесь? Я так понимаю, испорченных ковра с диваном Марине мало, она решила мне ещё паркет подправить, — статная фигура хозяина дома грозно нависла над распластавшейся на полу парочкой.

Марина задрала голову. Подула на спадавшую на глаза чёлку. Поднялась. Вскинула голову. Задрала подбородок.

— Так, Сальник, весь бардак собрать и выбросить, — повернулась и направилась к лестнице.

— Слышь, командирша, ты куда направилась? — Коровкин едва сдерживал рвущуюся ярость. — Сальник, спасибо, можешь быть свободен.

Он и сам не мог понять, что же произошло? Что пальцы его верного помощника коснулись в каком-то интимном жесте руки его женщины? Что их лица были рядом друг с другом? Что щёки невесты покрылись румянцем, как у красной девицы после первого поцелуя? Что? Произошло? Почему она не отвечала? Почему он не звонил? Почему выпроводили Сюзанну? Сколько времени они провели вдвоём на этом полу?

Сальник настолько хорошо знал своего шефа, что со сборами не стал затягивать. Так и натянул дублёнку на рубашку, оперативку затолкал в карман, а пиджак перекинул через руку. Уже собрался было открывать дверь, как Коровкин его окликнул: «Я сказал Борису тебя дожидаться. Как пятой точкой чуял, что ты торопишься...»

— Какая у тебя пятая точка, — раздалось с лестницы. Марина всё это время наблюдала за мужчинами.

— Какая? — недовольно проворчал Коровкин.

— Предсказательная. Не пятая точка, а настоящий гороскоп.

Сальник не выдержал и хихикнул. Немного подумал, скинул дублёнку прямо на пол.

— Я тебя на ужин не приглашаю, — Коровкин недоумённо посмотрел на зама.

— Поправлюсь, а то потом доказывай жене, что я не от любовницы, — Сальник явно ослабил, но зря.

Коровкин медленно направился в его сторону.

— Вася, пожалей человечка. Кто за тебя будет по следам бегать и доказывать, что ты тут ни при чём, а во всём виновата роковая женщина? Кстати, Сальник, задание тебе на завтра. Сюда не приходи, я сама справлюсь с бумагами. А ты в больничку наведайся. Записи есть у них? Изъять бы их все, да больничную мышку допросить: кто навещал Охломова? А ещё мне нужны протоколы допроса Кукушкина...

— А Кукушкин в Москве. Его никто не допрашивал.

Марина спустилась по лестнице, встала на нижней ступеньке: «Как это? Вася, а Сальнику по твоим делам ничего в Москве не надо?»

Глава 5

– Сальник, ты ещё здесь? Ещё минута – и в больничку отправишься прямо сейчас, – Коровкин перехватил спустившуюся с лестницы женщину и резко притянул к себе. Не дав ей опомниться, развернул к себе лицом и коротко, и сухо поцеловал.

– А трахать тоже при замё будешь? – Марина усмехнулась, но вырываться не стала. Прищурила глаза, наклонила голову к левому уху, подняла руки и сложила их на груди Василия, создавая таким образом барьер, подняла словно в удивлении брови: – Вася, у тебя проблемы? **МЫ С НИМ РАБОТАЕМ!** Сам же велел ему, Сальнику, присмотреть за мной. Или он без спроса сюда пришёл? Если без спроса, то мы его сейчас в угол поставим и а–та–та дадим.

Сальник рад бы уйти, да ноги приросли словно. Уж кто–кто, а он знал своего шефа лучше, чем себя самого. И этот бешеный взгляд собственника ему не сулил ничего хорошего.

Коровкин хоть и завязал с криминалом и по «мокрому» не ходил, но кто же знает, что в голове у ревнивого мужчины, у которого и так весь мозг снесло от этой женщины. Как связался с ней, так и ходит по лезвию. Хорошо, что Марина не сдала его, Коровкина, за похищение и незаконное лишение свободы. А то бы грел уже нары «большой босс».

Марина бедовая. Ой, какая бедовая. Она же ещё и назло может выбесить Колчака. Чем, впрочем, и занимается с первой минуты встречи. Но одно дело просто поизмываться над Василием, а другое, когда может подставить его, Сальника. Поэтому, бросив короткое «ушёл», уже схватился за дверную ручку, но тут же услышал короткое:

– Стоять! Мы ещё недоговорили, – Марина нарочито широко улыбнулась. От этой улыбки по спине Сальника холодный пот тонкой струйкой сбежал, словно шипом оцарапал.

– Марина, – Коровкин перевёл взгляд от невесты к заму и обратно, – запомни, он мой помощник. Никакого панибратства я не потерплю! Тебе ясно? – это уже относилось к Сальнику.

– Да, конечно, Василий Петрович, да мы и никаких братств не заводили, – поспешил заверить Сальник, моля в душе Бога, чтобы Марина уgomонилась.

Она опять усмехнулась, опустила глаза, высвободилась из объятий и направилась к лестнице. Легко, словно девочка, взлетела на этаж, бесшумно закрыла за собой дверь в комнату.

В зале повисла такая давящая тишина, что становилось больно ушам. Василий сел на диван, обхватил голову руками: «Дурак! Старый дурак! Извинюсь! И перед ней, и перед Сальником. Но он тоже хорош, понимать должен...»

И вдруг: «Дрым. Дрым. Дрым». Это Марина в очередной раз свою дорожную сумку по лестнице вниз тащит, края ступенек обдирает.

У Коровкина даже ноздри раздулись от её выходки. Кажется, уровень ярости на пределе. Сейчас во лбу красная лампочка засигналит, и выстрел раздастся.

– Далеко собралась, чёрт тебя побери! – всё-таки сорвался.

А она ручку подняла, кистью «Adieu!», то есть «Встретимся у Бога!» подмахнула, пальчиками щёлкнула и пропела:

– Далеко, далеко

Ускакала в поле молодая лошадь.

Так легко, так легко,

Не догонишь, не поймает, не вернёшь.²

Продолжала она бесить Василия. Нет чтобы по-женски, по ласковому. Но куда там, ещё и с подковыркой. И рот до ушей, хоть завязочки пришей. Адреналин ей в пятую точку.

² 1. А. Пряжников. Детский хор «Великан»

– Марина, твою мать, ты со своими закидонами меня уже достала! – У Василия Петровича точно предел терпения вышел!

– Васенька, а ты полагал, что зверушку дрессированную завёл, что ли? – она усмехнулась. Взяла сапог. – Так я не зверушка. И хочу напомнить, что я тебе не навязывалась. Это ты сам за мной самолёт снарядил. Сам в ЗАГС потащил. А я что, женщина слабая, душевная структура у меня хрупкая, сердце ранимое. Ты это, я понимаю, что Сальника пришить хочешь. Только пусть для начала он меня домой доставит. А потом уже и пришьёшь. Я ни свидетелем, ни соучастником по делу идти не собираюсь.

Сальнику показалось, что его в жерло печи затолкали и запекают потихоньку.

– При чём здесь Сальник? — уже спокойнее спросил Коровкин. Отходить начал.

– Ну как? Только не говори, что ты сейчас не от ревности взбесился, — Марина накинула на плечи дублёнку. Хорошую новую дублёнку. Её специально Коровкин заказывал для невесты. Красивая получилась: песочного цвета, с отороченным мехом, с теснённым рисунком по подолу. – Послушай меня. Я не девочка пятнадцатилетняя, чтобы с одним спать, а с другим зажиматься. Держи свои подозрения в узде! — и дверью «хлоп».

Снова повисла тишина. Как сцена из сказки про спящую красавицу – кто где стоял, в той позе и заснул.

Сальник не двигался. Что ожидать от шефа, он не знал. Затарахтел мотор. Марина Бориса убедила её увезти?

– Сальник, твою мать, чего стоишь? Давай за ней! — отмер Василий.

Сальник облегчённо выдохнул. Гроза миновала. Засунул ноги в ботинки, натягивая на ходу полушубок, рванул на улицу. А там... сама природа высказала женскую солидарность важнячке: и крутила, и мела, и гроздьями швыряла мокрый снег в лицо.

Коровкин, оно и понятно, тоже рванул, прямо в тапочках. Лучше бы он этого не делал. Подошва миглом заледенела и превратилась в полозья. Он поскользнулся и поехал вперёд, выкручиваясь, как кот при падении.

Боковым зрением Сальник увидел приближение тела босса к земле, и на автомате подскочил, чтобы придать замедление. Но в этот миг его ноги сами по себе сделали подскок, и он приземлился пятой точкой на свою шубейку, в которой застрял где-то на уровне локтей. Следом на него опустился Коровкин. И по инерции, как на санках, они прикатились прямо к ногам Марины, которая стояла около джипа.

Она, глядя на всю эту суматоху, ещё какое-то время оставалась серьёзной, а потом расхохоталась во весь голос:

– Детский сад, да и только. И куда дальше поедет? Сальник, ты не Сальник теперь, а саночник.

Они сидели на кухне. Сальник пытался отчистить свою дублёнку, на которой прокатился. Коровкин занимался перечислением имущества, которое за последние сутки умудрилась испортить Марина, или которое было испорчено по её вине. А она с задумчивым видом смотрела в открытый холодильник, как будто хотела там найти ответ на вопрос: «А ужин-то где?»

– Ладно, я заказываю из ресторана. Готовить, насколько мне известно, ты не умеешь, — Коровкин окончательно успокоился и пытался хоть как-то «попросить» прощения. — Ехать уже куда-то поздно.

– Я могу картошку отварить с сосисками, — предложила она.

– Марина Вячеславовна, если вы займётесь моей дублёнкой, то я займусь ужином, — предложил Сальник.

– Ты её тогда сразу бомзам отдай. Она же умудрится испортить уже испорченное, – Василий всё-таки куда-то позвонил и заказал три порции стейка с грибной подливой. – Картошку-то хоть почистить сумеешь?

Вот это зря... Потому что картошку чистил Сальник, а Коровкин занимался порезанным пальцем своей возлюбленной. Она же, для успокоения нервов, потягивала красное из бокала.

– Мариша, а Мариша, ты мне расскажи всё-таки историю про порнофильм. Панасенко не выдаёт тайну. Герыч говорит, что не знает.

– Правильно говорит. Где бы Панасенко в нашем городе нашёл сою для контрабанды? Дело было в областном. Рассказать-то я могу, только пообещай мне, что обойдёшься без мордобоя и выяснения отношений?

– Ну-ка, ну-ка, это интересно. Чёрт, – правильно, теперь порезался Сальник. Не надо было головой вертеть от любопытства. – Я-то в те годы слышал, что у Марины Вячеславовны, вернее, «катастрофы», как её называли за глаза, была такая незапятнанная репутация. И вдруг порнофильм. Интересно. Василий Петрович, позволишь послушать?

– Слушай, если Мариночка не против.

Ой, подлиза Коровкин ещё тот. Только Марина не из тех, кто ведётся на сладкие речи. Она припомнит ему, и не раз, вспышку ревности. А главное, нашла ещё одну слабую струну, на которой можно так хорошо пикировать.

– Ну слушайте, коли хотите, историю про контрабанду, порчу с котом и порнофильм с перестрелкой в конце, – Марина улыбнулась во всю ширь. Озорно сверкнули глаза. – Только... да ну её эту картошку. Поедим в другой раз. Поехали в ресторан! Хочется чего-то такого, чтобы душа развернулась.

– Мариша, я же сказал, что...

– Коровкин, вот только не... Не надо байки говорить мне, ладно? Детское время ещё, всего девять, – она подставила щёку для поцелуя.

Коровкин приподнял в изумлении одну бровь, как бы спрашивая, что это было сейчас: сама Марина Вячеславовна милостиво разрешает себя поцеловать.

– Это не бесплатно. Ты теперь мне ужин торчишь, – и она хитро улыбнулась, глядя, как Сальник последнюю картошку в воду кидает.

– Поехали, – выдохнул Василий Петрович, продолжая смотреть на Марину с подозрением. Слишком покорная. – Сальник, ты с нами?

– Я откажусь. Послушать интересно, но если не ты, Петрович, то жена точно меня прикончит. Она и так Маринины духи учуяла.

Коровкин привёз Марину в небольшой уютный ресторан, стоящий на высоком берегу реки. Сумерки придавали открывающемуся обзору мистический вид. Свечи, горящие на столах, только усиливали ощущение нереальности. Над столиками плыли такие запахи, что даже сытый от пуза начинал ощущать голод.

– Мариша, расскажи про кино-то? – попросил Василий, когда они сделали заказ. – Нетяни...

– Если пообещаешь, что ни один участник съёмок не пострадает ни во время, ни после рассказа, – она почему-то подумала, что жизнь вполне удалась, и есть что вспомнить, и есть чем жить сейчас.

Глава 6. Молодость Марины

От автора.

Дорогой читатель, позволь мне рассказать историю нашей героини, так сказать, со стороны, чтобы вы не подумали, что я это всё придумал. Ни слова вымысла. Истина и только истина. Надеюсь, что вы мне верите.

Дело было в начале двухтысячных годов. Город, в который переехала Марина, хоть и считался областным, но был не очень обустроенным. Особенно это сказывалось на работе общественного транспорта. Он ходил из рук вон плохо, если ходил вообще. Старые автобусы, кряхтя, перекатывались с ямки на ямку. Жёсткие сидения порезаны хулиганами. А те, что не успели попортить последние, добились зимние морозы. Хроническая въедливая вонь топлива смешивалась со стойким запахом махорки. И тем не менее, если бы не они, то перемещаться по городу было бы не на чем. Или почти не на чем. В отдалённые районы частники тоже не заезжали – нерентабельно и небезопасно.

Марина в те времена снимала помещение в общежитии. Нет, не комнату. На лето её поселили в медблок. К зиме должны были перевести на этаж, если там появится место. Плюсом можно было считать, что она жила без соседей. Душ и туалет свои.

Увы, снять квартиру было почти невозможно. Жилья строилось мало, а желающих было много. Милиция же вообще обеспечивалась по остаточному принципу.

В областной центр её перевели недавно. Должность, где она служила раньше, сократили, а супер–пупер специалиста область себе забрала. При переводе обязаны жильё предоставить, вот и предоставили.

Если быть откровенным, то Марина только что пережила личную драму, от которой у неё осталась дочка. Не хотела она, чтобы «папа» узнал про девочку. Зачем? Порвала так порвала. Вот и на предложение о переводе согласилась, не раздумывая. От себя убегала. Да ещё родители подсустились, пообещали за внучкой посмотреть. В душе, конечно, они надеялись, что вначале устроит Марина в городе свою личную жизнь, тогда и заберёт девочку.

Ехать-то Марина согласилась, а вот на расставание с дочерью пришлось уговаривать. А как увидела своё койко–место, поняла, что родители правы были. Куда её? Не в общагу же.

Начальство ухватило за возможность держать при себе своенравного следователя. Раньше-то она формально им подчинялась, а фактически достать её было сложно. А теперь – под боком, под контролем.

Личная драма заставила девушку буквально поселиться на работе. Железная решётка на окнах медблока к уюту не располагала. В общем, в жизни нашей героини началась что ни на есть та самая чёрная полоса. Переезд дался тяжело морально.

Марина сидела за столом и выводила вязь на листе бумаги. Скоро закончится рабочее время, и все не спеша начнут расползаться по домам. Ей спешить было некуда, да и не к кому. Как ей не хватало того ритма и той суматохи, что остались в родном городке! Настроение девушки медленно, но верно начинало портиться.

Говорят, одиночество – это благо. Но иногда судьба одаривает им слишком щедро.

И как героиня фильма «Служебный роман», Марина никуда не торопится. Она и гостей-то к себе пригласить не может. Не положено в общежитии. Даже если бы было можно, что дальше? У неё в блоке стоит одна кровать с сеткой–рабицей, стол, стул да холодильник. Как-то один из знакомых к ней на ночь набивался. Наша Мариночка съязвила по этому поводу:

– Не ведала, что ты трюками увлёкся. Знаешь, как на сетке–рабице сексом заниматься? Подпрыгнул – попробуй попади.

В общем, уровень веселья болтался где-то на отметке минус пять.

Она окинула взором опустевший кабинет. Это в городке у неё был собственный. А здесь шесть человек в одном помещении, столы по периметру. А как же допросы вести? Представляете себе картинку?

- Прихожу я домой после работы, – рассказывает один потерпевший.
- А там сосед пьяный сидит с проломленной головой, – выдаёт подозреваемый.
- Не было меня там, говорю же, что я в Северный поехал, – строит алиби обвиняемый.
- Десять тысяч получил только вчера, – вздыхает свидетель.
- А тут вдруг и девочки пришли, – это пятый.
- На балконе, где конопля росла, – завершает повествование шестой.

То есть некто поехал в Северный с десятью тысячами в кармане, а очутился дома на балконе среди конопли, где сидел сосед с проломленной головой и девочки. Ну точно, обкурились...

Марина встала из-за стола. Прошлась до окна, постояла, разминая затёкшую шею. В общагу за решётку не тянуло, в кафе – денег не было, в гости – настроения. Хандра! Сердце жаждало любви, а пятая точка требовала адреналина.

Девушка вернулась на место, привела в порядок бумаги. Открыла протокол допроса. Перечитала. Задумалась. Что-то напрягало, но что именно, она не могла понять. Взяла карандаш, лист с начерченными ею геометрическими фигурами... Это у неё такой план расследования: разноцветные кружочки, квадратики, стрелочки, чёрточки, буковки.

В тишине ей думалось проще. Днём напрягал постоянный шум в кабинете. Зато сейчас ей никто не мешал заниматься творчеством в духе символистов.

Посмотрела на часы. Если она сейчас не тронется в сторону общежития, то потом придётся добираться пешком. Последний автобус в её края идёт в семь вечера. Общежитие стояло на окраине среди частного сектора. Народу немного. И городские власти, долго не мудрствуя, решили сэкономить на топливе.

Неожиданно затрещал телефон.

- Привет! – бодро вылетело из трубки.
- Привет, – не очень уверенно ответила Марина.

Девушка не отличалась музыкальным слухом. И подсмеивалась над собой, что некогда слон наступил ей на ухо и до сих пор стоит. Поэтому чужие голоса она путала.

Марина понятия не имела, кто бы мог ей позвонить, да ещё после окончания рабочего дня. Тот, кто должен был знать её привычку задерживаться.

– Ты, конечно, не узнала меня, но это и неважно. Увидел тебя утром на остановке, решил пригласить на ужин. Короче, я жду в восемь вечера в кафе «Дельфин», – она только хотела ответить отказом, но собеседник не позволил ей вставить ни слова в свой монолог: – Выглядишь ты прекрасно. Отказы не принимаются. Ты никуда не спешишь. А твой последний автобус всё равно уже ушёл. До встречи.

Короткие гудки намекнули, что оппонент отключился.

Девушка положила трубку. Пожала плечами: «Ну и жди!» Отложила протоколы в сторону. Пока наводила порядок на столе, мысленно перебирала в уме всех своих знакомых, которые «а» – знали её расписание, «б» – где она жила и «г» – что её никто не ждёт. Было ещё «в», но его она пока оставила незаполненным.

Опера. Они, в принципе, могли знать, что она ещё на работе. Это несложно вычислить. Кабинет под сигнализацию не сдан. Зачем тогда звонить, когда можно просто подняться на этаж?

Коллеги из соседнего подразделения. Городские не были в курсе, что она задерживается на работе. Районные вряд ли ведали про кафе «Дельфин», куда она наведывалась время от времени.

Оставались вездесущие конкуренты из других спецслужб. Но! Первое – они не могли знать, что она в качестве аргумента выдвигает, что одета ненадлежащим образом. Второе – что на работу добиралась на автобусе. И третье – что у неё нет никакой личной жизни.

Кто не знал Марину близко, понятия не имел, что она страдала от одиночества. Шутки–прибаутки, подколы и намёки, что за ней кто-то стоит, – её маска, которую она не желала снимать. Когда-то захотела стать «человеком, идущим по жизни смеясь», и старалась следовать этой линии.

А неопознанный вывалил сразу всю информацию: дома тебя никто не ждёт, на машине никто не подвезёт и одета ты вполне подходяще для такого места, как кафе «Дельфин».

До восьми ещё было достаточно времени. Идти до «Дельфина» минут двадцать. Появляться раньше – значит выдать, что тебя действительно никто и нигде не ждёт и ты всегда готова.

Она подошла к зеркалу, подправила волосы, улыбнулась сама себе и с пафосом произнесла: «Знаете, я даже не знаю, чем это объяснить, видимо, звёзды просто наконец-то решили, что мне пора пожить так, как пишут в журналах. У меня всё настолько «прекрасно», что я, кажется, начала подозревать, что подписывала контракт с дьяволом. И знаете что? Пока мне абсолютно всё равно, что было в том контракте. А поэтому адью, то есть – пошли вы куда подальше, таинственный знакомец».

Глава 7. Молодость Марины

Так покрутившись перед зеркалом, девушка размяла затёкшую шею, сделала несколько танцевальных па и вернулась к своему занятию.

Снова разложила листочки, начертила кружочки, стрелочками их соединила, поставила буквы. Постепенно один за другим символ вычёркивался, пока не остался единственный, от которого шла стрелочка к букве «К».

Кирилл. По всему выходило, что это он. Заместитель начальника отдела конкурирующей фирмы, которым заловить мента всегда за радость. Он не отсюда, а из её городка. Тем более странно, что знает про автобус и «видел утром», когда мимо проезжал. Сразу возникает вопрос: на чём?

С Кириллом она пересекалась несколько раз. И даже однажды он заявился, чтобы её допросить и арестовать. Тогда её бригада оперов встала перед ним стеной, заслонив её своими спинами. Марина обвинялась в получении взятки, хотя это была хорошо отработанная операция. Однако до конкурентов донесли неверную информацию, а именно, что следователь вымогала деньги в обмен на освобождение. Взятку дали, а человека не освободили. Материалы находились на проверке в прокуратуре. И в эти часы, пока прокурор их изучал, напряжение достигло такого уровня, что, казалось, можно было чиркнуть спичкой воздух – и он взорвётся.

Больше, пожалуй, переживали опера. Всё верно за протоколировали. Как только поступил сигнал, что следователю собираются дать взятку, сразу же был составлен рапорт, который прошёл регистрацию, утверждён план мероприятий, поставлена прослушка в кабинет, брошен «жучок» в карман пиджака девушки, выделена охрана.

Марина честно выполнила свою роль. Ей действительно поступило предложение о взятке. Сделали его не в кабинете, а на рынке, когда она покупала хлеб. Человек подошёл к ней сзади и прошептал на ухо, что им надо поговорить. Она отказалась отойти, мотивируя тем, что все вопросы решает только в кабинете, что она не имеет привычки с кем-либо обсуждать дела вне рабочих помещений.

В кабинете человек появился после обеда. Взял лист бумаги и написал: «10 000 у.е.³ за освобождение племянника». Марина прочитала. Посмотрела на посетителя:

– Вы хотите, чтобы вашего племянника выпустили под залог? – спросила, чётко проговаривая слова. – Вопрос изменения меры пресечения решает прокурор. Ваш адвокат может подать ходатайство. Я его рассмотрю. В принципе, я не возражаю. Основные следственные действия мы выполнили. Но не буду вас напрасно обнадеживать. У вашего племянника здесь нет постоянного места жительства. Он приехал на сезонную работу. Есть опасение, что если я его освобожу, то он скроется от следствия и суда.

«Нет, это не залог. Это вам», – продолжал писать мужчина.

– Мне? Вы не поняли. Прокурор, если согласиться с моими доводами, подписывает изменение меры пресечения на залог. Я вам дам копию постановления. Вы пройдёте в кассу, предъявите копию, внесёте деньги, а мне принесёте квитанцию. Я денег не принимаю.

«Это вам лично», – написал в очередной раз, а потом спросил: — Вам понятно? — после чего порвал бумагу на мелкие кусочки, которые положил себе в карман.

– Вы знаете, как это называется? Взятка! Вы уверены? — проговорила следователь.

Она открыла Уголовный кодекс, зачитала статью, санкции.

«Не твоё дело. Освободи племянника. Я увезу его», — снова написал посетитель уже на другом листе. И этот листок порвал, сложил в карман, встал и ушёл, не дождавшись ответа.

³ У.е. Условных единиц – так обозначалась валюта в 90х

Взяткодатель появился через несколько дней. Опять на рынке. Подошёл к Марине, схватил за руку и затащил за торговый ларёк. Сунул пухлый конверт: «Это за племянника. В два раза больше. Поняла? Освободи его, иначе будет хуже».

– Поняла, — ответила спокойно. – Вы уверены? — спросила у пустоты. Человек успел скрыться.

Положила конверт в сумку и пошла на работу, где сдала под подпись.

В общем, на следующий день появилось заявление у конкурентов, что следователь вымогала деньги за освобождение.

– Марина Вячеславовна, признавайся давай в грехах смертных. Покайся. Чистосердечное, сама знаешь, что, — Кирилл сидел у неё в кабинете, закинув ногу за ногу, и «качал чёрта».

– Чистосердечное... Кирилл, как там ты по батюшке, а не боишься моих признаний? Я ведь могу... — ей почему-то не было страшно или казалось, что не было. Аудиозаписи имеются. В рапортах подробно отчитывалась. Денег даже в перчатках не касалась.

Начальник оперов Ромка тоже ошивался здесь. Предложил партию в шахматы Кириллу. Кто выиграет, с тем Марина и уйдёт.

– Мальчики, а вы, случайно, в Сахаре не заплутали? Я на девочку по вызову непохожа. Всё, я пошла, не теряйте, — и хлопнула дверями.

Кирилл даже опешил от такого хода. А потом кинулся на улицу за ней. У подъезда их машина дежурила. Парням строго наказывалось: как только появится одна до команды «отбой», так сразу хватать и к ним везти. А команды «отбой» ещё не поступало.

Выскочил. Машина стоит. Подошёл. Марины не видно.

– Что, командир, долго ещё? — спросили бойцы.

Кирилл не стал спрашивать, не выходила ли Марина. А то сейчас объявят ещё охоту на девочку. А она бедовая. Ой, бедовая. Про неё даже у них легенды ходили.

В общем, он туда-сюда, нет её. Вернулся. Спрашивает у Ромки:

– Куда пошла? Вы понимаете, если я не сообщу, то и с меня погоны снимут. Вы чего творите, твою мать.

И вдруг за спиной: «Ты чего разоряешься? Я в туалет ходила».

Кирилл оглянулся. А она стоит как ни в чём не бывало. Мужики ржут, загибаются.

– Вы идиоты! — не выдержал он. — Я уже сообщил, что она в бега подалась!

– Ага, — подошла она к нему. Встала напротив. Положила руки на плечи. Прикусила нижнюю губу. И улыбается. Долго смотрела. И он стоит. Смотрит. Не двигается.

Первым отмер Ромка.

– Марина, кончай конкурентов соблазнять. А то трахнет здесь, а мы поможем.

Повернулась на каблуках, прошла к креслу. Села. Закинула ногу за ногу. Откинулась на спинку. Склонила голову к левому плечу:

– А что, неплохие алименты будут. Я ведь заявлю, что все девять участвовали.

– А откуда девять-то?

– Ну как, моих восемь и конкурент.

Внезапно раздался настойчивый звонок, затем резкий стук в металлическую входную дверь и бас прокурора:

– Вы уснули, что ли? Открывайте немедленно.

Городской прокурор был дядька грозный. Его боялись, но уважали.

– Роман, Кирилл, в кабинет, — и он без приглашения прошёл в кабинет начальника оперов.

Следом за ним в помещение ввалилась бригада Кирилла.

Если бы Марина могла видеть себя со стороны, то удивилась бы, что и без того её белая кожа стала ещё бледнее. Наверно стало страшно, хотя она потом утверждала, что ни чуточки.

– Мальчики, а что, у нас тусовка намечается? Ладно, располагайтесь, а я пойду пока, поработаю.

Зашла к себе. Но одной ей не позволили побыть. Тут же ввалились конкуренты.

– Ничего не трогайте у себя в кабинете, Марина Вячеславовна.

И вдруг... Наверно гневный глас прокурора был слышен на окраинах города. Если передать его тираду в двух словах, то выглядело это примерно так:

«Понабрали новобранцев в органы. Уголовный кодекс не открывали. С оперативно-розыскными мероприятиями незнакомы. Девчонку до инфаркта довели. Кто работать будет, если она сейчас рапорт на стол положит? К себе заберу и прокурором по надзору за вами поставлю, чтобы думали, прежде чем с постановлением на задержание являться».

Кирилл вылетел из кабинета красный как рак, а Марина тихонечко так:

– Кирилл батькович, что, прокололись?

Время близилось к восьми. Адреналин медленно поднимал точку кипения и требовал выхода. Нет, она просто обязана пойти в кафе. Надо же узнать, кто её пригласил. А если она не ошиблась и это точно Кирилл, то ой как интересно, зачем могла понадобиться конкурентам. Они ничего просто так не делают.

Глава 8. Молодость Марины

Марина наклонила голову и посмотрела на себя сверху вниз, насколько позволял обзор. Служебный кабинет наличия больших зеркал не предполагал. Так, носик припудрить да прыщик выдавить, вот, пожалуй, и всё.

Зря, конечно, ей про наряд в трубку говорили. Для ресторана он как-то совсем не совсем. Ну да ладно, не выгонят же. Главное, что не в спортивных и не в тапочках. Потёртые до блеска джинсы. Свитер из простых ниток непонятно какого цвета – пёстренький, меланж.

Стащила резинку с волос и тут же об этом пожалела, ибо они, почувствовав свободу, сразу полезли в глаза, в рот, в нос. «Интересно, а торчком стоят?», подумала она, поплевала на ладони и попыталась пригладить.

Закинула сумку на плечо, закрыла кабинет на ключ, опечатала.

Коридор скудно освещался единственной лампочкой. Окна, находящиеся с торцов, света не прибавляли, ибо он поглощался синими стенами, расположенными друг к другу на расстоянии раскинутых рук.

Как-то раз Марина во время занятий по противопожарной подготовке спросила, как можно покинуть здание и не сгореть, если выход по одной–единственной лестнице. Окна запаяны на решётку. Больше её на подготовки всякие не приглашали, как любителя задавать неудобные и провокационные вопросы.

На вахте столкнулась с Максимом – кругленьким, как колобок, рано облысевшим опером. Его характерной чертой была улыбка от уха и до уха.

– Марина, подвезти? – может, подждал её, а, может, так совпало.

Но в последние дни он частенько её довозил до общежития. По дороге рассказывал про своих малышей, про дачу и тещу. Она слушала и улыбалась. Иногда ей казалось, что Максим взял над ней шефство. Их общение не укрылось от глаз коллег, но не было ни сальных шуточек, ни подколов. Настолько всё благопристойно, что даже скучно.

– Нет, спасибо, пойду на свидание, – сдала ключи на вахту.

Вместе вышли на крыльцо.

– Подвезти до свидания? Вдруг плохой человек? А ты у нас здесь новенькая, из деревни, в большом городе можно на редиску нарваться. Обманет, пообещает жениться и бросит, – и лукавая улыбка лучиком скользнула по лицу.

– Ну подвези, коли настаиваешь. Кафе «Дельфин» знаешь где?

Его имевшая виды иномарка с правым рулём завелась сразу. За машиной Максим ухаживал как за любимой женщиной: дарил освежители, полировал стёкла, чистил коврики.

– Ты уверен, что знаешь дорогу? – обеспокоенно спросила девушка, видя, что машина поворачивает в другую сторону.

– Знаю. Мариша, ты вышла в девятнадцать сорок. До кафе идти двадцать минут, на машине самое большее пять ехать. Стало быть, я могу тебя катать целых двадцать минут, чтобы ты, как честная девушка, опоздала на пять минут.

– Математик, – усмехнулась она. – Катай. Я возражать не буду.

– Не математик, а старший оперуполномоченный по борьбе с экономическими преступлениями. Это раз. Ты у нас человек пунктуальный до секунды, это два. И должен же я увидеть, кто тебя будет на крыльце ожидать, это три.

– Почему на крыльце?

– Если девушка опаздывает, то парень ждёт её на крыльце. Опознавательный знак – гвоздика в петлице, а в руках журнал «Знамя»?

Она засмеялась. Кружили они недолго, проехали по набережной. Подъехали с опозданием на десять минут. Максим сделал виноватое лицо: «Извини, мол, так получилось...»

На крыльце стоял Кирилл.

– Этот крендель тебя ожидает? – опер нахмурился.

– Наверно, не знаю, – она склонила голову, снова засмеялась. – Максим, правда не знаю. Я же голоса не определяю по телефону. Слушай, а ты чего, Кирилла знаешь? Он же не отсюда.

– Кирилла? Марина, во что ты вляпалась? Ты в курсе, что Кирилл работает на контрразведку?

– На контр чего? Он у нас в городе начальник какого-то там подразделения конкурентов. Какая разведка?

– А китайское дело? Разве не он его сопровождал?

– А ты откуда знаешь про китайское дело? Оно же не для посторонних ушей было? Я не знаю, что он сопровождал, но ты же знаешь, если у нас появляется иностранец, они подключаются автоматом. Моё дело маленькое. Я наркоту вела. А что там ещё накопили – у меня допуска нет, и я не лезла. И тебе не советую. Ладно, не будем томить режиссёра и продефилируем на сцену, – Марина взялась за ручку дверцы, чтобы выйти из машины.

– Мне тебя подстраховать? Это ведь он бегал по взятке...

– И про взятку ты тоже знаешь? Максим, а ты у нас на кого работаешь, позволюсь полюбопытствовать? Давай так, я пойду на свидание с молодым человеком, а ты домой поедешь. Завтра обо всём поговорим. Но если хочешь, – она лукаво улыбнулась, – могу взять с собой и представить... – сделала вид, что размышляет, а потом хлопнула по руке, – любовником!

– Это почему ещё любовником? – обиделся Максим.

– Потому что ты человек женатый. Так кем тебя представлять? Не опером же.

– Может, не стоит идти. Вдруг они хотят тебя...

– Что? Арестовать или изнасиловать? Если бы ему надо было меня арестовать, он бы в кафе не приглашал. А изнасиловать, опять-таки, советчиков рядом много. Место-то людное. Спасибо, что подвёз. Руководству докладывать необязательно, если что.

Рука Максима сжала её кисть, слегка дёрнул на себя. Куда подевалась улыбка. Строгое, спокойное, серьёзное лицо.

– Подожди. Ты им сливаешь информацию?

– Максим, остынь, – Марина не первый день в органах и точно знала грань, за которую нельзя переходить. Засланных казачков не любили и обиды им не прощали. Поэтому и она перешла на серьёзный тон: – Если бы я им сливала, то точно с тобой бы не поехала. Я пошла. Он уже нервничает.

– Марина, будь начеку. Эти люди ничего так просто не делают. Удачи! Если что, я с тобой.

– Но пассаран, – Марина хихикнула, сжала кулачок и прижала к груди.

Максим посмотрел в спину девушке, которая, не спеша, удалялась от машины, причём в другую сторону. Она исчезла в кустах черёмухи и вот уже, обогнув кафе, появилась с другой стороны. Не стала светить, что приехала с опером на машине.

Кирилл переминался с ноги на ногу, периодически поглядывая на часы. Один. К нему никто не подходил.

В голове Максима роились мысли: «Действительно, просто свидание или конкуренты что-то надумали? Неужели Марина и вправду не знала про контрразведку? Как такое возможно? Надо будет сообщить своим».

Опер решил понаблюдать за их встречах, присматривая место для засады.

Глава 9. Молодость Марины

Девушка подошла к молодому человеку со спины. Может, она его окликнула, или он почувствовал сам, но так или иначе повернул голову в её сторону. Жестом пригласил войти в кафе.

Максим сожалел, что незаметно в кафе проникнуть не получится, в окно подглядеть – тоже, ибо они все рекламой закрашены, и ему пришлось покинуть свой наблюдательный пункт. Он ещё какое-то время покрутился около здания, но недоверчивый китаец как-то на полусогнутых подошёл и тонким голосом спросил: «Рецепта хочешь. Нет получишь рецепта! Наши пить нельзя. Сразу домой. Денег нет. Работы нет. Рецепта нет. Иди туда. Бить буду. Лучше за бить тюрьму сяду, чем рецепта дам...»

Опер колебался, немного помялся, поднял руки вверх, показывая, что не хочет проблем.

Китаец был какой-то незнакомый, новый, и Максим мысленно прикинул, что можно, конечно, показать ксиву и потребовать провести его в подсобку, но стоит ли рисковать?

– Прости, показалось, что моя девушка с другим ушла.

– Зачем здесь стоять? Зайди и смотри, а здесь стоять не можно, – не отступал китаец.

Опер развернулся и пошёл к машине. Второй серии он точно сегодня не увидит, а краткое содержание расскажет завтра Марина сама.

«Марина опоздала. Что бы это значило? Точность – вежливость королей. Это про неё. А если она опоздала, то... Либо её кто-то задержал, либо она наблюдала со стороны», – анализировал Кирилл, проводя девушку по залу.

– Марина, ты не будешь возражать, если нас будет больше, чем двое?

– А если буду, ты их выгонишь? – усмехнулась она.

Глаза уже привыкли к полумраку, и она выхватила взглядом двоих мужчин, сидящих за дальним столиком. Одного из них она знала. Это Сергей. Конкурент. Второй сидел к ней спиной. Она видела лишь его плечи да стриженный затылок.

– Мы к тем двум перцам идём? – она сбавила резко шаг, в результате чего Кирилл врезался ей в спину. Расчёт оказался точен: его ухо притормозило как раз около её губ, ибо она слегка приподняла голову и повернула в сторону.

– Марина, ты могла бы не мешаться под ногами? Я чуть тебя не уронил.

Она хихикнула: «Ну и уронил бы. Поднял или оставил бы лежать? К ним? Кирилл, это что? Может, Бог и любит троицу, но я ему не родня».

В это время тот, что сидел спиной, встал, повернулся к ним лицом. А зря. Девушке показалось, что ей дали под дых. Марина понимала, что выглядит глупо, но ничего не могла с собой поделать: так и застыла с открытым ртом. Это не просто мачо, секс-символ, экранный киногерой-любовник, это мечта всей её жизни! Высокий под потолок, широкоплечий, как былинный богатырь. В волнах чёрных, как воронье крыло, волосах отражались огоньки подсветки потолка.

«За этим, наверно, женщины табунами ходят. Не обломится. Жаль», – с грустью подумала она.

Девушка ещё не оправилась от фиаско в личной жизни и поэтому расценивала свои шансы как крайне низкие. Она, без сомнения, помнила фразу из старого фильма «Кому нужна буду я, тому будет нужен и мой ребёнок», но жизнь – это не фильм. К тому же она прекрасно понимала, что ею чаще пытаются пользоваться, чем на самом деле испытывают чувства. И сама сознательно возводила стену недоверия. А такие «Неопысаные» красавцы были ей точно не по зубам. Чтобы подобраться к такому, надо было сплясать танец с бубнами на канате над про-

пастью, сварить зелье злобной ведьмы и поменять ноги на хвост русалки. Тогда, вероятно, и заметит, если рядом никто не станет показывать танец живота.

Нельзя сказать, что она лишена мужского внимания. Но это были либо те, кого ей на допрос приводили, либо те, кто приводил, либо женатые с солидной мозолью вместо живота: они могли в ней найти понимающего собеседника, свободные уши и исповедника. К ней никогда не ревновали их жёны. Были уверены на все сто – не позарятся.

А она любила эдаких, под два метра ростом, похожих на индийских киноактёров. Среди таких у неё были друзья, но не более, а ей почему-то хотелось более. И даже тот факт, что её ноющая сердечная рана была чем-то похожа на Митхуна Чакраборти и Бюль–Бюль оглы вместе взятых, не смогла изменить её вкус.

Марина обвела глазами зал, снова посмотрела на предполагаемых компаньонов и, оценив обстановку, улыбнулась, сощутив свои слегка раскосые глаза. Шла, не спеша, как королева по подиуму, давая возможность всем лицезреть Её Величество.

Сергей встал для приветствия, подошёл к незнакомцу и прошептал:

– Обратил внимание на её взгляд? Мгновенная оценка. Имей в виду, с ней будет нелегко. Договорить ему не дала подошедшая пара.

Девушка улыбнулась и с наглым видом направилась на то место, где только что сидел Сергей:

– Ты же не будешь возражать, правда? – это вместо «здрасьте».

С места, которое она заняла, открывался полностью обзор зала, а спина была закрыта стеной. Сергей про себя отметил, что девушка решила сразу поставить себя на роль хозяйки положения. Он уже сталкивался с её ненавязчивой наглостью. Она делала это настолько непри-
нуждённо, что спорить не получалось.

Ему вспомнилась их последняя беседа. Он специально пригласил её к себе в кабинет. А его приглашение игнорировать нельзя. Передал официально, через руководство. Они хоть и параллельные структуры, но у него по умолчанию власти больше.

Пришла. Туфли – десять сантиметров шпилька. Юбка до колен, но так бессовестно обтягивает бёдра, что коллеги из кабинета испарились без всякой просьбы. Розовая блузка из лёгкой ткани, под которой угадывался кружевной лифчик. Макияж неяркий. Но манера прикусывать нижнюю губу и тонкий аромат, который так нагло проник на подкорку и зудел, заставляя пульсировать кровь совсем не там, где надо. Сама невинность, от которой голова начисто отказывалась думать, а язык нёс невеста знает что.

Беседа, которая записывалась на магнитофон, скатилась к каким-то пошлым комплимен-там. Он мямлил, как ученик, разбивший стекло в спортзале, перед директором школы.

Она пила чай, рассматривала кабинет, несла всякую пошлую чушь, а потом вдруг ни с того, ни с сего спросила:

– Короче, вы хотите, чтобы я вам сливала информацию? Только я не въеду никак – с какого перепугу?

Он не ожидал такой прямолинейности. Они знали и про её заслуги, и про острый язычок, а также и то, что в анализе равных ей не было.

– Сергей, а ты чего замер как постовой? Дама уже заняла своё место, – вернул в реальность её насмешливый голос. – А это кто? Кирилл, ты всегда с болельщиками на свидание ходишь? Так надо было сказать, я бы тоже кружок по интересам подтянула, – и закусила нижнюю губу. Ой, лиса Алиса.

– Это Станислав, – Кирилл слегка замялся.

– Очень приятно, Станислав, а я Марина Вячеславовна. Для друзей – Марина, но мы ведь ещё не друзья. Слышали, поди, от своих коллег про меня и обо мне? Не верьте, наглая ложь и подхалимство. А теперь о себе...

– Коллег? – голос Станислава ласково коснулся её слуха. Слушала бы да и слушала красоту такую.

Глава 10. Молодость Марины

– Коллег? – переспросил Станислав и недвусмысленно посмотрел на Кирилла.

– Ну вот не надо меня сейчас лечить, – Марина приняла позу «пахана» – откинулась на спинку стула, а руки положила ладонями вниз на столешницу настолько широко, что, казалось, хотела захватить соседние тарелки; слегка повернула голову, криво усмехнулась, словно делала одолжение; сощурила глаза и медленно, будто перебирая чётки, переводила пронизывающий взгляд от одного к другому, показывая всем своим видом: «Верю, верю всякому зверю, а ежу – погожу». Её голос стал ниже, слова слегка растягивались. Наконец, она вздохнула: – О боже, какая скука смотреть бесконечный сериал. Да, не ослышался, коллега, – последнее слово было выделено, – Кирюша, дорогой, неужели ты думал, что я поверю сказке, как два перца возьмут с собой кабачок? Не люблю, когда лгут. И лапша на ушах не держится, соскальзывает. Поэтому давайте разойдёмся и помашем друг другу носовым платком.

– Марина, тебе что пить заказывать? Только не говори, что минералку, – проигнорировал Кирилл «разоблачение». Он решил, что пришла пора брать инициативу в свои руки. А то ведь и правда уйдёт.

Он был самым опытным из них троих, да и Марину знал неплохо. А вот Сергей словно воды в рот набрал.

– Пить? – Марина не стала настаивать на «повторении темы». Ученики они – способные, уроки схватывают на лету. Девушка задумалась. Значит, пить. Хорошо, пить так пить. Даже интереснее будет. – Если богатый, то от мартини не откажусь. А если бедный, то сухого белого.

Мартини, по тем временам, не самый дешёвый напиток был. Но кавалеры расщедрились, бутылку купили. Тогда такие напитки для простого народа ещё в диковинку были, и не знала ни Марина, ни её спутники, что не пьют мартини бутылками.

С первым глотком напряжённость стала уходить. Принесли еду на огромных блюдах. Марина положила в свою тарелку чисанчи, свинину в кисло–сладком соусе и свиные хрустящие ушки с огурцами.

Вначале разговор был ни о чём. Станислав сама любезность: Мариночку забалтывал, пока Сергей ей подливал.

Кирилл сидел молча. Нахохлившись. Не по душе ему была вся эта игра.

Он с самого начала не хотел в это ввязываться. Но надавили на совесть, заставили её пригласить. Про вкусы девушки уж всем было известно, она и не шифровалась особо. Поэтому Станислав был выбран неслучайно – её типаж. Ещё со школы на неё спорили, на кого на дискотеке глаз положит.

Язык девушки стал заплетаться, глазик – закрываться. Она всё чаще и чаще прислонялась к плечу Станислава. Ах, какой у него приятный одеколон. Так бы и вдыхала. И вообще, такой мужчина ухаживает. Не мужчина, а просто Бог.

Марина повернулась к новому знакомому, провела рукой по груди, потянула носом, шмыгнула и, икая, спросила:

– Эт чё? О’жён? Улёт! Башку снесло... Ах, какой был мужчина, – она оторвалась от Станислава и качнула головой над своей тарелкой, – настоящий полковник. Стасик, а Стасик, а ты кто? Старлей или полковник? Хотя... не. Для полковника слишком зелен. А вот капитаном, может, уже и стал. Жаль, очень жаль...

Не стала пояснять, чего ей жаль. Теперь она смотрела в свою тарелку, из которой палочками пыталась подцепить тонкий хрящик свиного уха.

Сергей и Станислав переглянулись: «Получилось». Но вот Кирилл в эти гляделки не играл. Он наблюдал за девушкой. В какой-то момент она оторвала взгляд от хрящика и...

наткнулась на внимательный взгляд Кирилла. Поняла, что прокололась, но решила играть до конца. В результате манипуляций свиной хрящ приземлился Станиславу на колено.

– Ой, простите, позвольте убраться?

Встала из-за стола. Смачно икнула, и, пошатываясь, пошла в сторону туалета. Станислав проводил её взглядом, взял салфетку, положил на пятно, горестно выдохнул:

– Кирилл, она всегда такая? Как прикажете за ней ухаживать? Я пас. Новые брюки! Я за них ещё не рассчитался. Теперь в химчистку придётся сдавать.

– А меня чего спрашиваешь? Скажи спасибо, что она тебе на ширинку мартини не опрокинула. Ладно, поезжайте, я дальше сам. Она ушла, ты же слышал, – Кирилл сразу понял, что она направилась на улицу, минуя туалет, через подсобку.

– В смысле ушла? Она же бухая в зюзю, – хмыкнул Стас и снова посмотрел в сторону туалета. – Надеюсь, она там не уснёт.

– Кирилл прав, ушла она. И не бухая, – заключил Сергей.

– То есть? – не понял Станислав.

– В прямом, – ответил Кирилл, подзывая официанта.

Тёплая, влажная ночь обняла девушку. Она улыбнулась. Сделала пару шагов, как услышала позади голос Кирилла:

– Ты, конечно, актриса, но я смотрю твои спектакли уже не первый раз. Как сказал бы Станиславский: «Не верю».

– А, это ты, – обернулась. Выдохнула. – Кирилл, что вам надо от меня? Только начистоту?

– Марина, ты о чём? – он старался выглядеть как можно естественнее. – Я приехал в командировку. Позвонил тебе, а рядом Серёга со Стасом стояли, вот и напросились.

– Ага, – громко икнула она, – верю, верю всякому зверю, а ежу – погожу. Только не надо трепать трепало.

В общем-то, Кирилл не так сильно и врал. В командировку действительно приехал, но на один день. Утром здесь, а вечером обратно. Начальство же распорядилось, чтобы он свёл Марину со Стасом. Серёга уже успел провалить задание. Вся надежда была на дамского угодника – Станислава. Кирилл должен был их познакомить и вместе с Сергеем потихоньку свинтить, оставив парочку наедине.

Не знала Марина, что Кирилл, как мог, пытался отговорить руководство от этого плана, убеждал, что она сразу разгадает, не поверит. Но может и сама включиться в игру, если настроение будет.

Сердце Кирилла сжалось от жалости к Марине, когда он увидел её реакцию на Станислава. Знал о душевной ране. Подлю это – влюбить в себя девчонку ради какой-то там цели. Разве стоит эта цель её страданий? В чём она-то виновата? Но служба есть служба.

– Да ты не бойся, не попорчу я твою девочку, – Стас присутствовал при беседе руководства с Кириллом. – Провожу пару раз. Так и быть, поцелую, если сильно захочет. Сами же сказали, что она синий чулок, мозг под строгим контролем.

Обрабатывали Кирилла долго. Умом понимал, что без неё никак не проверить операцию, но душа протестовала. Пытался доказать, что нельзя использовать «в тёмную». Разуверится в любви. Как ей жить потом?

Кирилл и Марина дошли до её общежития.

– К тебе можно? – зачем-то спросил.

– Нет, на вахте надзирательницы сидят. Да и незачем тебе ко мне.

– Прости, – и он, то ли под воздействием спиртного, то ли тёплого, наполненного медовым ароматом ночного воздуха, то ли от близости этой девушки, неожиданно притянул её к себе. Посмотрел в глаза. И, получив немое согласие, прикоснулся к её губам.

Она открылась, впустила его язык. Прикрыла глаза. Мир закачалось. Её руки обняли его горячее тело.

– Прости, – ещё раз прошептал он, с трудом отрываясь от её влажных, сладких от мартини губ.

А она улыбнулась:

– Не будь ты конкурентом, возможно, у нас с тобой что-нибудь да и вышло.

Кирилл сжал её руку:

– А почему тебе это мешает? И потом... Ты же не спишь с женатыми.

– Не сплю, но я не святая. И всё-таки жаль, что ты женат, – засмеялась, видя, как у него зашевелились шестерёнки в голове. – Кирилл, если я и сплю с кем-то, то вам этого никогда не выяснить, если я не захочу. А с конкурентами не сплю – не хочу стать транзистором. Ясно? Шагай к своим друзьям. Можешь сказать, что их план удался – я не поняла, что Стас играет роль червячка на рыбалке.

Развернулась, подошла к двери, постучалась. Раздалось ворчание, лязг замка; в приоткрытую дверь проскользнула полоска света. Девичий силуэт на его фоне казался чёрным. Хлопок, лязг, ворчание, стрекот цикад.

За спиной послышался приглушённый шёпот мотора, негромкий голос его окликнул. Он обернулся, неприятно удивившись, спросил: «Зачем?» Ему не ответили. Внутри у него зародилось странное предчувствие беды.

Глава 11. Молодость Марины

Глазами Кирилла

Подождал, пока бабка на вахте откроет дверь, надеясь в душе, что не впустит «блудную девицу». Но «надзирательница», ворча и воспитывая важнячку, как будто это какая-то малолетка, всё-таки позволила войти.

Он смотрел на Марину, и сердце сжималось от чего-то непонятного. Она молча выслушала бабку или сделала вид, что слушает, так же молча кивнула:

«Я с вами полностью согласна! Это возмутительно так поздно являться ночевать». А может, её мысли были заняты совсем другим – например, им или Стасом. От этой мысли ему стало не по себе. Но вот дверь с шумом захлопнулась, приглушённо прогремела металлическая задвижка, и снова всё стихло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.